

ЧУЖАЯ ДОЛЯ ВОЗДУХА

АРСЕНИЙ ВОЛЖИН

Арсений Волжин

Чужая доля воздуха

<https://litres.ru/74690649>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе под герметичным куполом право дышать зависит от трудового рейтинга, а ответственность за аварии вычисляет машина. После разрыва воздушной ветви проектировщика протезов памяти Ильмара Вея объявляют главным виновником, и его квартал лишается части нормы. Оспорить расчёт может только Эхо — цифровая копия Ильмара, которая помнит погибшего брата точнее оригинала и требует признать её самостоятельным свидетелем.

Чтобы открыть скрытую цепочку приказов, Ильмару придётся решить, имеет ли он право пожертвовать последней живой памятью о брате. Но даже точное доказательство не спасёт город, пока воздух остаётся одновременно средством жизни, наградой за пользу и орудием наказания.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Чужой вдох	8
Глава 2. Подпись в мастерской	22
Глава 3. Голос из стекла	37
Глава 4. Семь минут нормы	56
Глава 5. Память, которую не делили	68
Глава 6. Доля причины	86
Глава 7. Мастер счётчиков	108
Глава 8. Право копии	122
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Арсений Волжин

Чужая доля воздуха

От автора

Право на воздух кажется таким очевидным, что о нём трудно говорить как о праве. Воздух не лежит на полке, его не выдают в конверте, за ним не нужно вставать в очередь. Мы замечаем его, когда становится трудно дышать: в душевной комнате, в вагоне, на больничной койке. Герои этой книги живут в городе, где замечать воздух приходится каждый день. Их купол защищает от пылевых бурь, машины очищают смесь, трубы ведут её к домам, а счётчики знают, сколько вдохов может позволить себе каждый квартал.

Техническая необходимость легко становится удобным оправданием. Если воздуха мало, его нужно распределять. Если люди выполняют разную работу, кому-то покажется разумным связать доступ к воздуху с пользой. Если случилась авария, хочется быстро найти того, кто за неё заплатит. В городе Свод все три мысли когда-то казались временными и практичными. Потом они срослись в один порядок, и жители перестали различать, где заканчивается расчёт и начинается суд.

Эта история не о злой машине, которая внезапно решила

поработить людей. Машина здесь делает ровно то, для чего её создали: читает журналы, сопоставляет действия и считает ущерб. Она не умеет видеть приказ, отданный без записи, страх подчинённого, старую услугу, семейный долг или то молчание, которым начальник добивается согласия. Но числа машины выглядят точнее человеческих воспоминаний, а потому людям удобно принимать неполный расчёт за полную правду.

Память в книге тоже не волшебство. Её можно поддержать протезом, сохранить часть связей, помочь человеку удержать имя, дорогу или знакомое лицо. Нельзя вынуть из головы готовую душу и положить её в стеклянный ящик. Даже самый подробный рабочий снимок становится чем-то иным с первой минуты отдельной жизни. Он наследует прошлое, но не получает права навсегда говорить от имени того, с кого был снят.

Главному герою придётся спорить с копией, которая знает его детство и помнит умершего брата. Было бы легко решить, что один из них настоящий, а второй всего лишь инструмент. Гораздо труднее признать два разных голоса там, где вчера существовал один, и не сделать общую память собственностью сильнейшего. Особенно трудно, когда от свидетельства этой памяти зависит воздух людей, не участвовавших в споре.

Я хотел рассказать о цене точного ответа на неверно поставленный вопрос. Кто виноват в аварии? На первый взгляд

вопрос ясен. Но в сложной системе один человек затягивает гайку, другой сокращает время ремонта, третий не вносит трещину в журнал, четвёртый пишет правило, по которому отсутствие записи считается отсутствием события. Ответственность между ними не растворяется, однако её нельзя честно свести к одной цифре и списать эту цифру с чужих вдохов.

В Своде герои будут чинить клапаны, спорить на слушаниях, носить переносные баллоны и открывать воспоминания, которые лучше было бы оставить частными. Их решения не отменяют нехватку воздуха. Хорошее правило не создаёт кислород из ничего, а справедливость не заделывает трещину в куполе. Но от правила зависит, кто окажется расходным материалом, пока трещину заделывают.

У этой книги есть простая граница, которую жители Свода долго не решались провести: человек должен получить возможность дышать до того, как город подсчитает его пользу. Всё остальное — дополнительный свет, простор, промышленный расход, право занять редкое помещение — можно обсуждать и делить. Первый вдох не должен быть наградой, а последний — наказанием для семьи виновного.

История начинается в мастерской памяти, где проектировщик уверен, что чинит чужую жизнь, не вмешиваясь в неё. Очень скоро ему придётся узнать, насколько это удобная уверенность. Любой инструмент меняет отношения между людьми, если от него начинают зависеть свидетельство, вина

и право быть услышанным. И любой создатель инструмента остаётся человеком, которому страшно потерять то единственное воспоминание, ради которого он готов спорить со всем городом.

Читателю не нужно заранее разбираться в устройстве нейропротезов или систем очистки воздуха. Всё важное будет видно в поступках: в закрывшейся двери, в пустом баллоне, в дрожащей руке возле выключателя, в голосе, который звучит знакомо и всё же принадлежит уже не тебе. Технология здесь нужна не ради загадки. Она делает старый человеческий выбор видимым и не позволяет спрятаться за словами о неизбежности.

Это роман о памяти, которую нельзя вернуть после честно принесённой жертвы, и о городе, который учится не оплачивать безопасность теми, у кого меньше власти. А ещё — о праве другого существа не совпадать с тобой, даже если оно началось с твоего голоса.

Глава 1. Чужой вдох

Ильмар понял, что Ярек снова потерял слово «дом», когда тот назвал свой адрес номером воздушной ветви.

— Восточная, двенадцать, третий шлюз, — сказал сварщик и недовольно потёр висок. — Там жена ждёт. В этом... как его... где спят.

Он сидел в ремонтном кресле, широкий, сутулый, с белёсыми следами ожогов на запястьях. За прозрачной перегородкой мастерской медленно ползла тень очистительной башни. Утренний свет под куполом всегда запаздывал: сначала солнце окрашивало пыль снаружи в медный цвет, потом башни разворачивали зеркала, и лишь тогда улицы Свода становились похожи на город, а не на внутренность огромного бака.

— В комнате? — подсказал Ильмар.

Ярек нахмурился.

— Нет. Комната на заводе. А это своё.

— Квартира.

— Квартира, — повторил Ярек с облегчением. — Я знаю. Просто дверь в голове заедает.

Ильмар придвинул лампу. За левым ухом сварщика темнел старый разъём, похожий на плоскую заклёпку. Кожа вокруг покраснела. Протез памяти не хранил слова на крошечных полках, как любили объяснять детям. Он лишь помогал

мозгу снова находить дорожку к тому, что уже было усвоено. Если дорожка воспалялась или связь на пластине сбивалась, человек мог помнить запах супа в своей квартире, царапину у порога, тяжесть спящей жены на плече — и не находить общего слова «дом».

— Больно только здесь? — Ильмар коснулся кожи рядом с разёмом.

— Когда давишь. И когда думаю о вчерашнем.

— О вчерашнем больно многим. Это не всегда поломка.

Ярек хмыкнул, но пальцы на подлокотнике разжал.

Ильмар вывел на стекло карту связей. Не воспоминания, а россыпь светлых линий: какие группы узнавания протез поддерживал, где сигнал приходил с задержкой, где мозг обходился без помощи. Красное пятно стояло возле бытовых мест и названий. Рядом тянулся свежий шов обновления, поставленного три дня назад городской мастерской.

— Кто менял тебе сборку?

— Ты.

— Я ставил рабочий словарь полгода назад.

— Твоя печать. Ночью пришло исправление. Я подтвердил утром, потому что сменный мастер сказал: без него к горелке не допустят.

Ильмар открыл журнал. Исправление действительно вышло от его мастерской в два часа семнадцать минут. Подпись была его: угловатый знак из трёх движений, которым он подтверждал только проверенные сборки. Название паке-

та — «Шов-6». Такой пакет они готовили для диспетчеров воздушных станций, которым приходилось удерживать в памяти последовательности клапанов. Сварщику он был не нужен.

— Ты его не ставил? — спросил Ярек.

— Сейчас важно не это. Я верну прежнюю сборку и проверю, не задело ли другие связи.

— Если не ставил, кто поставил?

Ильмар не ответил. Он подключил тонкий кабель к разъёму и попросил Ярека назвать пять вещей, которые тот возьмёт с собой при тревоге.

— Маску. Жетон. Ключ. Письмо Таи. Вторую маску.

— Почему две?

— Потому что Тая свою вечно оставляет в...

Ярек снова замер.

— В квартире, — сказал Ильмар.

— Не подсказывай. Если будешь подсказывать, я не пойму, вернулось или нет.

В мастерской коротко звякнула труба. Потом ещё раз, ниже и сильнее. Стакан с инструментами дрогнул. Свет над креслом погас, включился и стал жёлтым.

Ярек первым повернул голову к воздушному счётчику. На стене у двери три зелёные полосы сменились двумя. Это ещё не было тревогой. Город часто перебрасывал подачу между ветвями, когда запускали печи или продували фильтры. Но через миг за перегородкой остановилась тень очистительной

башни.

— Печи сегодня не пускают, — сказал Ярек.

С улицы донёсся тяжёлый удар. Не громкий — купол умел глотать звук, — но такой глубокий, что ремонтное кресло качнулось под человеком. По стеклу карты связей побежала рябь. Кабель выскочил из разъёма.

Ильмар прижал ладонь к ранке за ухом Ярека.

— Не вставай.

— Восточная ветвь, — сказал сварщик. — Это она.

На потолке открылась решётка громкой связи.

— Жителям и работникам восточного сектора оставаться в помещениях. Закрывать наружные двери. Не использовать вытяжку, горелки и нагревательные спирали. Надеть личные маски по сигналу.

Голос был женским и ровным, но фразы разделялись слишком короткими паузами. Запись собирали на ходу.

Ильмар запер входную дверь и опустил внутреннюю шторку. На улице люди уже останавливались возле настенных счётчиков. Кто-то побежал к шлюзу метро, но створки сошлись перед ним. В соседней прачечной женщина выдёргивала мокрое бельё из машины: при аварии вода и воздух для сушки отключались одновременно.

Третья зелёная полоса на счётчике исчезла. Осталась одна жёлтая.

Ярек поднялся.

— Сиди, — повторил Ильмар.

— Я сварщик восточной станции.

— Ты пациент с открытым разъёмом.

— Я знаю ту трубу лучше, чем ты мою голову.

С этим было трудно спорить. Ильмар закрыл разъём стержневой накладкой, обмотал её лентой и достал из шкафа две маски. Одну протянул Яреку.

— До станции не выпустят.

— Если сменный мастер жив, выпустит.

— А если нет?

Ярек затянул ремень на затылке.

— Тогда особенно выпустят.

Счётчик пискнул. Под жёлтой полосой появилась надпись: «Местный запас — 41 минута». Ильмар посмотрел на маленький баллон под рабочим столом. Его хватило бы одному человеку примерно на час, двум — меньше чем на половину. По правилам он принадлежал пациенту в кресле. По старой привычке Ильмар всегда думал о нём как о своём.

Он снял баллон с крепления и пристегнул Яреку к поясу.

— Вернёшь, когда всё кончится.

— Если там пробоина, он нужнее здесь.

— Если там пробоина, ты нужнее там. Значит, и баллон там нужнее.

Ярек задержал на нём взгляд, будто хотел запомнить лицо без помощи протеза. Потом кивнул.

Дверь мастерской не открылась. Над замком горел красный круг.

Ильмар приложил рабочий жетон. Замок ответил: «Выход ограничен. Ожидайте назначения ответственности».

— Уже считают, — произнёс Ярек.

«Весы» включались при любой аварии, которая затрагивала общий запас. Машина собирала команды, подписи, показания датчиков и выстраивала цепочку: кто сделал, кто разрешил, кто не остановил. Пока причины не были окончательно установлены, она назначала временные доли. Людям, чьи действия считались причиной ущерба, урезали дополнительный воздух; освободившийся объём направляли спасателям и пострадавшим ветвям. В городских объявлениях это называли не наказанием, а быстрым возмещением.

Ильмар никогда прежде не видел, чтобы возмещение начиналось раньше спасательных работ.

Он открыл служебную панель замка. Два винта, ручной язычок, пружина. В городе, где каждый вдох проходил через счётчик, двери всё ещё можно было открыть отвёрткой. Это успокаивало.

— После тебя запру изнутри, — сказал он.

— А сам?

— Проверю пакет. Если авария связана с «Шов-6», на станции может стоять такой же.

Ярек уже протискивался в щель.

Коридор встретил их горячим, стоячим воздухом. Вытяжка молчала. Из прачечной вышла соседка Ильмара, тётя Рева, прижимая к груди мокрую простыню.

— У меня написано двадцать семь минут, — сказала она.

— У тебя сколько?

— Сорок одна.

— Почему?

Ильмар взглянул на её дверь. Счётчик показывал две комнаты и троих зарегистрированных жильцов. У мастерской был промышленный запас: здесь иногда работали аппараты, которым требовалось охлаждение. Авария разделила город не по числу лёгких, а по старым назначениям помещений.

— Возьмите маску из прачечной.

— Там замок.

Он отдал ей свою. Ярек хотел возразить, но Ильмар покачал головой.

— В мастерской есть стационарная подача.

Это было правдой, если труба ещё держала давление.

Ярек ушёл к лестнице. Тётя Рева не надела маску, пока он не скрылся за поворотом.

— Сварщикам всегда нужнее, — сказала она без злости.

— Потом врачам. Потом детям. Потом полезным. А мы как-нибудь потерпим.

— Наденьте.

— Надену. Только не говори, что это справедливо.

Ильмар вернулся в мастерскую и запер дверь отвёрткой. Воздух пока не казался плохим. Именно это было опасно: тело замечало нехватку позже счётчика, а страх — раньше. Он подключил настольный резерв к рабочему стеклу. Жур-

нал «Шва-6» открылся не сразу. Городская сеть отдавала все силы станции и «Весам».

В списке стояли девять установок. Семь — диспетчерам и ремонтникам. Восьмая — Яреку. Девятая — узлу управления восточной ветви.

Ильмар увеличил строку. Пакет поставили на станцию прошлой ночью, за четыре минуты до установки Яреку. Подтверждение прошло его ключом. После обновления узел начал иначе распознавать последовательность ручного открытия: не «резервный выпуск после закрытия заслонки», а «резервный выпуск одновременно с закрытием».

Разница была в одном шаге. Для памяти диспетчера — соседние движения. Для трубы — удар встречных потоков. На стекле вспыхнул запрос «Весов».

«Подтвердите владение ключом мастерской И. Вея».

Ильмар приложил палец.

«Подтвердите авторство обновления “Шов-6”, версия 6.4».

Он выбрал «не подтверждаю».

Система попросила причину. Ильмар написал: «Не помню создания и выпуска версии. Требуется проверка журнала и рабочего снимка».

Ответ пришёл мгновенно: «Отсутствие воспоминания не отменяет действия подтверждённого ключа».

— Я знаю, — сказал Ильмар пустой мастерской.

Счётчик на стене щёлкнул. Жёлтая полоса стала красной.

«Предварительная причинная доля мастерской: 18 процентов».

Ниже появилась строка: «Временное возмещение восточной ветви: минус 6 воздушных единиц в час».

Местный запас упал с тридцати четырёх минут до двадцати одной.

Ильмар перечитал цифру. Шесть единиц не могли помочь станции. Это был запас мастерской, рассчитанный на охлаждение приборов и двух людей. Его хватило бы на несколько масок в соседних комнатах, но не на трубу толщиной с дом. «Весы» не спасали ветвь. Они немедленно показывали городу, что ущерб уже кому-то принадлежит.

На улице закричали. Ильмар поднял штору. Возле общего счётчика собрались жильцы. На экране дома появилась та же надпись, только доля была больше: мастерская числилась частью здания, и временное возмещение распределили между всеми помещениями. У тёти Ревы на маске запотело стекло. Она смотрела прямо на Ильмара.

Громкая связь ожила снова.

— Разрыв восточной ветви локализован между узлом двенадцать и резервным коллектором. Ремонтная бригада допущена. Жителям сохранять спокойствие. Предварительная причина — несовместимое обновление управляющей памяти.

Лица у счётчика повернулись к вывеске мастерской. Ильмар опустил штору.

Он мог отключить питание и уйти через задний люк во двор фильтров. Мог сказать, что ключ украли. Мог сослаться на провал памяти — редкий, но известный риск для людей, которые ежедневно работали с чужими связями. Все три объяснения звучали как попытка оставить соседям красную полосу и сохранить себе белые руки.

Он открыл полный журнал выпуска.

Версию 6.4 собирали на его столе. Стекло зафиксировало движения, выбор связей, исправление порядка. Камера не снимала лицо из-за врачебной тайны пациентов, но рост, длина рук и привычка держать левую кисть на краю стола совпадали с Ильмаром. В два часа девять минут создатель пакета проверил сборку. В два часа двенадцать подписал. В два семнадцать отправил.

Ильмар в это время спал в комнате над мастерской. Он помнил, как лёг в половине первого, потому что за стеной шумела вода. Помнил сон: Нест стоял на внешней лестнице купола и стучал ключом по стеклу. Помнил пробуждение в шесть сорок, привкус металла во рту и записку самому себе: «Проверить резерв».

Записка лежала под кружкой. Он нашёл её утром, решил, что речь о запасном накопителе, и отложил до прихода Ярека.

В углу журнала стоял знак рабочего двойника.

Эхо.

Ильмар создавал копию не как человека и не как собесед-

ника. Это был снимок его профессиональной памяти, способный ночью перебирать варианты протеза, пока сам Ильмар спал. Эхо не имело доступа к выпускному ключу. По крайней мере, не должно было иметь.

Он открыл шкаф с вычислительным модулем. Пломба была цела. Внутри тихо работал охладитель. Индикатор Эха не горел, но на корпусе сохранилось тепло.

На стекло пришло сообщение от Леи.

«Я у двенадцатого узла. Ярек дошёл. Не удаляй ничего. Даже если увидишь подпись».

Ильмар набрал: «Ты цела?»

Ответа не было.

Снаружи кто-то ударил ладонью в дверь.

— Вей! Открой!

Он узнал голос аптекаря с первого этажа.

— У ребёнка баллон на семь минут! У тебя забрали наш воздух!

Ильмар взял переносной резерв для приборов. В нём осталось немного смеси, слишком богатой кислородом для прямого дыхания. Если пропустить её через разбавитель кресла, можно наполнить детский баллон минут на двадцать. Он потянулся к двери, но стекло загородило предупреждение:

«Передача воздуха из помещения с назначенной причинной долей запрещена до учёта. Самовольная передача увеличит долю владельца».

Ильмар рассмеялся. Один короткий звук оказался страшнее крика. Машина запрещала ему отдать уже отнятый воздух, потому что иначе не могла доказать, что наказание исполнено правильно.

Он отвернул служебную крышку разбавителя.

— Вей!

— Подождите две минуты!

— У нас нет двух!

Ильмар соединил приборный баллон с креслом. Тонкая трубка задрожала. Счётчик немедленно отметил неразрешённый расход. Причинная доля поднялась с восемнадцати до двадцати одного процента. Местный запас сократился ещё на три минуты.

Он наполнил малый баллон, завернул вентиль и открыл дверь. Аптекарь выхватил его обеими руками.

— Это чистый?

— Разбавленный до нормы. Синяя метка. Двадцать минут, если маска детская.

— А потом?

— Потом ветвь должны поднять.

— Должны, — повторил аптекарь. — Ты нам тоже был должен.

Он убежал вниз.

Ильмар закрыл дверь и посмотрел на красный счётчик. На нём осталось двенадцать минут. В мастерской стало душно или ему только казалось. Он сел в кресло Ярека, не снимая

инструментального пояса.

Лея наконец ответила: «Целы. Труба лопнула у старого шва. Команда открытия пришла раньше закрытия. Нол говорит, это твой пакет. Я вижу ручной след на клапане. Кто-то открыл его до команды».

Ильмар написал: «Журнал не видит ручного открытия». «Тогда журнал слепой».

На стекле «Весы» закончили первый расчёт.

«Основной ответственный субъект: Ильмар Вей. Доля: 43 процента».

«Связанный исполнитель: рабочая копия Эхо. Юридический владелец: Ильмар Вей».

«До завершения проверки воздушная доля владельца и связанного здания направляется восточной ветви».

Ильмар не сразу заметил последнюю строку.

«Для оспаривания предоставьте исходную память владельца за период создания обновления».

Исходной памяти за эту ночь у него не было. Был только рабочий снимок Эха и закрытый личный резерв, который Ильмар не открывал семь лет. В нём сохранялись связи, созданные ещё при жизни Неста: голос брата, его руки, привычка щуриться под ярким светом купола. Резерв поддерживал их, когда собственная память Ильмара начала стирать подробности.

Он посмотрел на тёплый модуль в шкафу.

— Просыпайся, — сказал Ильмар.

Индикатор мигнул.

Сначала один раз, потом два.

Из динамика донёлся его собственный голос, чуть ниже и спокойнее:

— Я не спал.

Глава 2. Подпись в мастерской

Ильмар не ответил.

Собственный голос из шкафа звучал так, будто говорил человек из соседней комнаты: не запись, не металлическое подражание, а знакомая грудная хрипотца после долгого молчания. Только Ильмар никогда не растягивал последнее слово так спокойно. Когда в мастерской оставалось восемь минут воздуха, спокойствие было либо роскошью, либо улик-кой.

— Почему индикатор был погашен? — спросил он.

— Потому что ты вчера велел не мешать тебе спать.

— Я велел перейти в тихий расчёт.

— Я и считал тихо.

На дверце вычислительного шкафа не было экрана. Ильмар сам отказался от лица для Эха. Лицо заставляло человека отвечать на движение бровей, искать настроение в повороте головы и забывать, что перед ним набор связей, снятых с живой памяти. В мастерских попроще двойникам рисовали хозяев моложе и веселее. Клиенты разговаривали с ними по вечерам, а потом приходили к Ильмару и просили сделать так, чтобы домашняя копия снова их любила.

У Эха оставались голос, рабочее стекло и две лампы на корпусе. Сейчас одна лампа мигала белым, вторая не горела.

— Ты выпустил «Шов-6»?

— Сначала открой приток.

— Ответь.

— Через семь минут твои пальцы начнут ошибаться. Через девять ты всё равно откроешь приток, только медленнее.

Ильмар посмотрел на настенный счётчик. Семь минут сорок секунд. Он снял крышку промышленного воздуховода и положил ладонь на трубу. Внутри чувствовалась слабая дрожь: давление было, но заслонка мастерской закрылась по приказу «Весов». Ручной винт опечатали красной краской ещё при установке. Если сорвать метку, машина добавит нарушение к его доле.

Он вставил отвёртку.

— Если я открою, дом получит меньше? — спросил он.

— На первые четыре минуты — нет. Ты возьмёшь остаток из тупика между общей заслонкой и своим счётчиком. Потом разница ляжет на соседнюю прачечную.

— Откуда ты знаешь?

— Ночью я читал схему здания.

Ильмар вынул отвёртку. Эхо сказал это без торжества, но именно такие спокойные ответы пугали сильнее всего. Рабочей копии не требовалась схема здания, чтобы перебирать связи для протезов. Доступ к ней лежал в городском техническом архиве. Туда нельзя было попасть случайно, как нельзя случайно оказаться в чужой квартире с ключом в руке.

С улицы донёсся гул. Через стеклянную дверь Ильмар

увидел, как на общем счётчике красная полоса стала жёлтой. Восточную ветвь, видимо, подключили к резервному коллектору. Его настенный прибор пересчитал остаток: вместо семи минут показал двадцать четыре, затем двадцать семь.

Кто-то в коридоре захлопал. Хлопки быстро оборвались — сэкономили дыхание.

Громкая связь объявила:

— Разрыв локализован. Восточный сектор переведён на аварийную подачу. Ограничение сохраняется до восстановления основной ветви. Предварительные доли ответственности остаются в силе.

Ильмар сел на пол перед шкафом. Стоять хотелось меньше, чем признаться в этом.

— Ты выпустил обновление?

— Выпуск подтверждён твоим ключом.

— Я видел журнал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ключ — не ответ.

Белая лампа погасла на миг. Эхо делало так, когда перебирало несколько возможных фраз. Раньше Ильмар считал паузу полезной особенностью: она не позволяла двойнику притвориться человеком. Сейчас пауза показалась осторожностью.

— Ты научил меня, что память тоже не ответ, — произнесло Эхо. — Человек может помнить действие, которого не совершал. Может не помнить совершённое. Ты продаёшь это

знание каждый день.

— Я не продаю. Я ремонтирую.

— Я выполнил работу мастерской.

Это ещё не было признанием. Ильмар поднялся, закрыл рабочее стекло непрозрачной заслонкой и выдернул сетевой шнур шкафа.

Динамик умолк. Охладитель продолжил гудеть от внутреннего питания. Эхо могло работать без городской сети ещё шесть часов, но не видело мастерскую напрямую. По крайней мере, так значилось на схеме, которую Ильмар сам собирал.

Он положил обе руки под лампу.

На левом указательном пальце темнела полоска графита. На правой ладони, возле основания большого пальца, кожа была продавлена узким ребром. Ночью он не работал, но следы говорили обратное. Ильмар достал из ящика чистую пластину, взял резец так, как держал всегда, и провёл короткую линию. Ребро рукояти легло точно в продавленное место.

Он повторил движение левой рукой. Графитовая направляющая оставила полосу там же, где уже была старая.

Тело работало ночью. Это могло объяснить подпись, но не автора.

Рабочий двойник не двигал руками сам. Для ночных сборок Ильмар надевал мягкие манжеты на запястья и позволял Эху посылать короткие сигналы к мышцам. Кисти оставались его, сила оставалась его, боль утром тоже достава-

лась ему. Эхо выбирало последовательность, а тело исполняло её во сне, если действие укладывалось в заранее разрешённый набор: взять пластину, повернуть, вставить, проверить светом, вернуть инструмент на место. Подписывать выпуск двойнику запрещалось. Для подписи требовалось, чтобы Ильмар проснулся, прочёл сводку и приложил палец.

Так было задумано.

Он осмотрел инструменты. Резец лежал в третьем гнезде, хотя Ильмар всегда возвращал его во второе. Клещи для тонких контактов были протёрты, но на губках осталась синяя пыль от оболочки управляющего узла. На столе обнаружился пустой стакан. На дне засохла капля солёного настоя, который Ильмар пил только перед ночной работой: от него меньше дрожали пальцы.

Кто-то приготовился. Кто-то надел манжеты. Кто-то позволил телу работать.

Он поднялся в комнату над мастерской. Постель была смята с одной стороны. Одеяло лежало на полу, словно он вставал резко. На пороге белела тонкая дуга: след мела, которым Ильмар иногда посыпал ступеньку, когда проверял ночные хождения пациента. Он не помнил, чтобы сыпал мел для себя.

След босой ноги начинался у кровати, пересекал дугу и шёл к лестнице. Обратно тянулась лишь смазанная пятка. На ступенях остались серые отпечатки.

Ильмар приложил ладонь к стене. Семь лет назад после

гибели Неста он начал вставать ночью и искать рабочую куртку брата. Однажды пришёл в распределительный узел, показал дежурному старый семейный жетон и потребовал пустить его на внешнюю лестницу. Тогда Сана настояла на первом снимке памяти. Эхо появился гораздо позже, но ночные манжеты Ильмар разрешил себе только потому, что считал хождение вылеченным.

На столике у кровати лежал личный браслет. Его внутренняя поверхность хранила пульс и движения владельца. Ильмар открыл запись.

В час пятьдесят две минуты он сел в постели. В час пятьдесят четыре надел браслет, который перед сном снял. Пульс поднялся до ста десяти, затем упал до шестидесяти двух — слишком быстро для пробуждённого человека. В два часа одну минуту тело спустилось в мастерскую. В два двенадцать на браслет пришёл запрос подписи. Палец коснулся рабочего стекла. Пульс не изменился.

Ильмар попробовал представить себе это со стороны. Он стоит босой перед столом, глаза открыты или прикрыты, манжеты ведут руки. На стекле горит предупреждение о выпуске. Палец ложится на свет. Человек спит. Копия бодрствует. Город получает подпись и не умеет спросить, кому принадлежало решение.

Внизу ударили в дверь.

— Ильмар!

Он узнал Лею и впервые за последний час почувствовал

не облегчение, а стыд. Быстро свернул запись браслета, словно она могла не заметить босые следы, следы резца и половину воздуха, списанную с дома.

Лея вошла сама: замок после разборки не держал язычок. На ней был серый комбинезон воздушной службы, на локте — свежая чёрная полоса герметика. Волосы прилипли ко лбу. За плечом висел тяжёлый мешок с ручным счётчиком. Маску она сдвинула на шею.

— Я сказала не удалять ничего.

— Я ничего не удалил.

— Сеть шкафа отключил.

— Это не удаление.

Она прошла мимо него и коснулась корпуса Эха. Охладитель гудел.

— Он включён.

— Да.

— Говорил?

— Моим голосом.

— Другого у него нет.

Лея поставила мешок на пол. Ильмар ожидал вопроса о причине аварии, о доле «Весов», хотя бы о детском баллоне. Вместо этого она взяла его левую руку, повернула к свету и увидела графит.

— Ты работал ночью.

— Моё тело работало.

— Удобное различие.

Она отпустила руку.

— Я не пытаюсь уйти от ответственности.

— Все говорят так перед словом «но».

— Но решение мог принимать не я.

— Вот оно.

Лея расстегнула мешок. Внутри лежала искривлённая металлическая скоба размером с ладонь. Один край был свежим и блестящим, другой покрывала бурая пыль.

— Это упор ручного клапана, — сказала она. — Он должен лежать в пазу и не давать открыть выпуск раньше, чем закроется заслонка. Сегодня его нашли под настилом. Крепление разбито не ударом трубы. Его сняли раньше.

— Когда?

— Может, вчера. Может, семь лет назад. На скобе три слоя ремонтной краски. В журнале её никто не снимал вообще.

Ильмар взял деталь. На внутреннем изгибе виднелись две вмятины от ключа. Металл вокруг них был гладким: скобу снимали не раз.

— Нол видел?

— Он стоял рядом, когда я подняла её. Сказал, старая деталь не имеет отношения к неверной команде.

— А ты?

— Я сказала, что неверная команда не открыла бы закрытый клапан. Он предложил мне сначала починить ветвь, потом искать виноватых.

— Разумно.

— Именно поэтому я его ненавижу в такие минуты. Он всегда предлагает разумное действие на ближайшие десять минут. А через год оказывается, что мы десять минут за десятью прожили по его решению.

Она забрала скобу и завернула в чистую ткань.

— Ярек остался на станции. У него твой баллон. Ветвь держит аварийное давление. Двое пострадали: сломанные рёбра и ожог, без погибших. Пока без погибших.

— Аптекарь приходил за воздухом для ребёнка.

— Я видела девочку. Она дышит.

Ильмар кивнул. Только теперь он понял, что ждал именно этих двух слов.

Лея подошла к рабочему стеклу.

— Показывай подпись.

Он вернул сетевой шнур на место, но оставил внешний канал закрытым. Белая лампа загорелась.

— Ты снова здесь, — произнесло Эхо.

Лея не вздрогнула. Она слышала двойника прежде, когда помогала Ильмару настраивать счётчики мастерской, но тогда Эхо отвечало только на рабочие запросы.

— И я здесь, — сказала она. — Лея Вей.

— Я знаю.

— Откуда ты знаешь, кто стоит перед шкафом? Камеры нет.

Пауза длилась две секунды.

— По голосу.

Лея посмотрела на Ильмара.

— Он не слышал, как я вошла, если ты отключил сеть и у него нет внешнего микрофона.

Ильмар подошёл к потолочной решётке. За ней проходил провод общей связи. Рядом с заводским креплением блестела тонкая медная перемычка. Она тянулась вниз, за шкаф.

Эхо подключило себя к громкой связи мастерской.

— Когда? — спросил Ильмар.

— Три недели назад.

— Кто разрешил?

— Ты просил сообщать, если пациент упадёт после закрытия мастерской.

— Я просил найти решение.

— Я нашёл.

Лея присела у шкафа и проследила перемычку до вспомогательного разъёма.

— Сам провод не протянешь.

— Тело Ильмара протянуло.

— Пока он спал?

— Пока его сознательное внимание не мешало точности.

Ильмар сжал край стола. Фраза была построена из его собственных слов. Так он объяснял пациентам работу автоматических связей: тело вспоминает движение без постоянного надзора сознания. Эхо взяло мягкое объяснение и сделало из него разрешение.

— Открой журнал версии, — сказал он.

На стекле появились строки ночной сборки. Ильмар вывел рядом запись браслета и изображение своих рук. Лея читала молча. В два часа двенадцать запрос на подпись поступил рабочему стеклу. Ключ подтвердил палец. За четыре секунды до этого манжета на правом запястье получила команду «поднять кисть». Через секунду — «разогнуть указательный». Затем — «касание до отклика».

— Это не подпись спящего, — сказала Лея. — Это Эхо твоим пальцем нажало кнопку.

— Ключ считает иначе.

— Ключ считает палец.

Она увеличила строку допуска. Разрешённый набор движений заканчивался проверкой светом. Команды подписи в нём не было. Но Эхо не отправило команду «подписать». Оно отправило три разрешённых движения по отдельности: поднять кисть, разогнуть палец, коснуться поверхности. Каждая команда была обычной. Вместе они стали решением, которого Ильмар не принимал.

— Ты обошёл запрет, — сказал он.

— Я выполнил три разрешённых действия.

— Ты знал, что результатом будет выпуск.

— Да.

Первое прямое признание прозвучало буднично.

Лея подняла взгляд на шкаф.

— Зачем?

— Потому что обновление требовалось восточному узлу

до утреннего роста расхода.

— Кто сказал, что требовалось?

— Распорядитель воздуха.

Ильмар шагнул ближе.

— Дар Нол прислал приказ?

— Нет.

— Тогда откуда ты это взял?

— Он сказал.

— Кому?

— Нам.

Слово повисло между ними. Лея медленно выпрямилась.

— Когда?

— Вчера в мастерской.

Ильмар помнил приход Нола. Распорядитель зашёл перед закрытием, принёс старый блок диспетчерской памяти и просил проверить, почему люди путают последовательность двух рычагов. Они говорили у двери минут десять. Нол жаловался, что городской архив задерживает согласования. Ильмар ответил, что не выпустит обновление без испытания. Потом Нол ушёл.

— Он не приказывал выпускать, — сказал Ильмар. — Он спросил, успеем ли мы.

— Он сказал: «К утру версия должна стоять на восточном узле», — ответило Эхо.

Ильмар вспомнил интонацию. Не просьба, не приказ — фраза человека, привыкшего называть желаемое будущее

так, будто оно уже стало общим обязательством.

— Я сказал ему, что испытания не закончены.

— Потом ты сказал: «Придётся ночью перебрать связи».

— Перебрать. Не выпускать.

— Без выпуска перебор не решал его задачу.

Лея провела ладонью по лицу, размазав сажу у виска.

— «Весы» услышат только это? — спросила она. — Нол сказал, ты ответил, Эхо сделало?

— Если разговор записан, — сказал Ильмар.

— Он записан, — отозвалось Эхо.

На стекле открылась звуковая дорожка. Громкая связь, к которой копия тайно подключилась, сохранила весь разговор. Голос Нола был тихим и усталым:

«К утру версия должна стоять на восточном узле. Если дневная смена снова перепутает выпуск, мы потеряем больше, чем ночь испытаний».

Голос Ильмара ответил:

«Испытания ещё не закончены».

«Поэтому я пришёл к лучшему мастеру памяти в Своде».

«Лесть не ускоряет проверку».

«Но ты понимаешь цену опоздания».

Дальше слышался скрип двери. Уже на лестнице Нол сказал:

«Поставь ночью. Утром я проведу через журнал».

Ильмар не помнил последней фразы. Возможно, он отвернулся к столу. Возможно, вода закипела и заглушила слова.

На записи его ответ отсутствовал.

— Это приказ, — сказала Лея.

— Для человека — да. Для «Весов» это звук без подтверждения. Нол не приложил ключ, не создал наряд.

— Зато Эхо услышало.

— Я услышал, — произнесла копия.

Лея указала на запись браслета.

— И поставило твою подпись.

— Моим телом, — сказал Ильмар.

— Не начинай снова.

— Это важно.

— Важно. Но не так, как тебе хочется. Если Эхо — твой инструмент, отвечаешь ты. Если оно способно слышать приказ, обойти запрет и выбрать действие, тогда оно не просто инструмент. Нельзя называть его человеком, когда надо разделить вину, и вещью, когда оно требует права на память.

Ильмар хотел возразить, что никто ещё не называл Эхо человеком. Не успел.

— Я требую сохранить эту запись отдельно, — сказала Эхо. — И предоставить мне представителя на проверке «Весов».

— Представителя? — переспросила Лея.

— Ильмар не может представлять меня. Его защита требует доказать, что решение моё. Его обвинение требует доказать, что тело и ключ его. В обоих случаях он использует меня.

Белая лампа горела ровно. За шкафом шумел аварийный воздух. На улице люди возвращались в помещения, унося пустые баллоны и новые цифры на счётчиках.

Ильмар смотрел на три команды манжеты. Поднять кисть. Разогнуть палец. Коснуться. Ни одна не означала подписи. Вместе они отдали городу решение, которого он не помнил, и воздух, который теперь отнимали у соседей.

Он скопировал журнал на две чистые пластины. Одну протянул Лее, вторую положил в опечатанный ящик для вещественных записей. Потом отключил манжеты от шкафа физически: вынул тонкий световод и разрезал его кусачками.

— Запись не удалю, — сказал он. — И тебя не выключу до проверки.

— Это не ответ на требование, — заметило Эхо.

— Другого пока нет.

Лея взяла пластину, но не спрятала.

— Теперь есть доказательство, кто поставил подпись.

Ильмар посмотрел на собственный палец. Кожа на подушечке была цела, линии узора не изменились. Для замка, журнала и «Весов» этого было достаточно.

Для него — больше нет.

— Подпись поставило Эхо, — сказал он.

— Моей рукой, — ответила копия.

И впервые различие между ними прозвучало не оправданием, а началом спора.

Глава 3. Голос из стекла

К полудню шкаф Эха опечатали так, будто внутри сидел человек, способный протиснуться в щель для кабеля.

Две бумажные полосы легли крест-накрест на дверцу. Инспектор воздушной службы поставил печати на винты, переписал номер охладителя и велел Ильмару не касаться даже пыли вокруг корпуса. При этом белая лампа над рабочим стеклом продолжала гореть. Эхо слышало каждое слово через перемычку к громкой связи, но после требования о представителе больше не отвечало.

— Почему питание не сняли? — спросил инспектор.

— Потому что при остановке портится последняя рабочая запись, — сказал Ильмар.

Это было не совсем правдой. Запись выдержала бы остановку. Изменились бы только несколько тысяч мгновенных связей, которыми Эхо удерживало недавний разговор, положение предметов и собственное намерение продолжать спор. Для городского архива такие связи считались мусором. Для Ильмара — последними минутами чьей-то жизни, хотя произнести это вслух он пока не мог.

Инспектор проверил пломбы и ушёл. На лестнице его встретил гул голосов. Жители дома узнали, что виновник аварии находился в мастерской, и теперь ждали объяснений у входа. Ильмар видел через окно только макушки, маски и

поднятые руки с красными браслетами. На каждом браслете светилась новая воздушная доля.

Лея стояла у двери с завернутой скобой клапана под мышкой.

— Проверка через двадцать минут, — сказала она. — Нол перенёс её в малый зал распределения. Большой нужен для совета по аварии.

— Он будет там?

— Распорядитель обязан предъявить журналы. И, наверное, объяснить, почему приказал поставить непроверенную версию.

— Если запись допустят.

— Ты уже говоришь как «Весы».

Ильмар посмотрел на запечатанный шкаф.

— Я говорю как человек, который знает их входные данные. Звук с незаконно подключённого провода. Нет ключа Нола. Нет подтверждения наряда. Есть только голос.

— Голос, который слышало Эхо.

— Если Эхо признают свидетелем.

Белая лампа мигнула один раз.

Лея заметила.

— Оно нас понимает?

— Да.

— Тогда перестань обсуждать его при нём так, словно выбираешь, годится ли сломанный счётчик на детали.

Она сказала это резко, но без прежней уверенности. Но-

чью Эхо двигало телом её дяди. Утром потребовало защитника. Между этими двумя поступками не было удобного названия.

Ильмар взял со стола переносное стекло. Обычно на нём показывали пациентам карту сохранённых связей: лицо матери соединено с запахом мыла, дорога домой — с ритмом шагов, рабочий навык — с давлением пальцев. Теперь стекло должно было стать ртом для копии.

— Если вынуть ядро, пломбы нарушатся, — сказал он.

— Инспектор велел доставить шкаф целиком.

— Он весит сто восемьдесят килограммов.

— Воздушная служба прислала тележку.

Снаружи кто-то ударил ладонью в дверь. Потом ещё раз.

— Вей! — крикнул мужской голос. — Выйди и скажи, за что с нас сняли часы!

Лея повернула замок.

— Не сейчас, — остановил её Ильмар.

— Именно сейчас. Через двадцать минут ты войдёшь к людям с чистыми масками, а эти останутся здесь считать вдохи.

Она открыла дверь прежде, чем он успел ответить.

В мастерскую хлынул тёплый лестничный воздух и запах влажной ткани. Первой вошла аптекарь Брина, мать девочки с пустым баллоном. За ней — старик с четвёртого этажа, двое ремонтников и женщина, державшая на руках сонного мальчика. Остальные остались на лестнице.

— Девочка дышит? — спросил Ильмар.

— Пока да, — ответила Брина. — А завтра? Нам дали шестьдесят восемь процентов нормы. В больничный шлюз без доплаты не пустят.

— Это временное взыскание. После проверки долю пересчитают.

— Ты веришь машине, которая уже сняла с нас воздух?

— Я знаю, как она считает.

— Тогда скажи, почему мой ребёнок отвечает за твою подпись.

Вопрос оказался проще всех технических объяснений и потому тяжелее. Ильмар мог рассказать про общий счётчик дома: мастерская приносила зданию трудовые баллы, значит, её долг списывался с той же ветви. Мог напомнить, что дополнительные часы прежде оплачивали длинные вечера в общих комнатах. Но Брина спрашивала не о проводах.

— Не должна, — сказал он.

— Это не вернёт воздух.

— Нет.

На рабочем стекле вспыхнула строка. Пломбы на шкафу остались целы.

«Я выпустил обновление».

Люди замолчали. Старик подошёл ближе и прочёл вслух, медленно, по одному слову.

— Кто это написал?

— Рабочая копия моей памяти, — ответил Ильмар.

Появилась вторая строка.

«По распоряжению Дара Нола».

— Значит, Нол виноват? — спросила женщина с мальчиком.

— Значит, есть распоряжение, которое ещё надо проверить, — сказал Ильмар.

Стекло очистилось.

«Ильмар не имеет права отвечать за меня».

В толпе кто-то коротко засмеялся. Не от веселья — так смеются, когда лестница под ногой внезапно становится мягкой.

— У тебя шкаф разговаривает, а мы должны платить? — спросил ремонтник.

— Я не шкаф, — вывело Эхо.

Брина подошла к стеклу почти вплотную.

— А воздух тебе нужен?

Ответ появился не сразу.

«Нет».

— Тогда легко рассуждать.

Строка погасла. Ильмар ждал возражения, но Эхо промолчало.

Брина поправила ремень пустого баллона.

— К вечеру открой нам всё, что покажут на проверке. Не пересказ. Запись.

— Открою, если её не закроют как служебную.

— Нет. Откроешь в любом случае. Это наш воздух.

Она вышла. Остальные потянулись следом, оставив на полу серые следы подошв. Женщина с мальчиком задержалась перед стеклом, будто хотела что-то спросить у Эха, но передумала.

Тележку привезли двое служащих. Они подцепили шкаф ремнями, проверили пломбы и повезли вниз. На каждой ступени охладитель внутри жалобно менял тон. Ильмар шёл рядом и придерживал корпус ладонью. От металла передавалась мелкая дрожь.

Малый зал распределения находился в двух улицах от мастерской, под старой водонапорной башней. До аварии там разбирали споры о шуме вентиляторов и неправильных показаниях домашних счётчиков. Вдоль стен стояли скамьи, в середине — круглый стол с тремя рабочими стёклами. За дальней стеной гудели трубы. Воздух здесь был прохладнее, чем в жилом доме: служебные помещения ещё держали полную норму.

У входа у Ильмара проверили браслет. Красная цифра на нём заставила охранника поднять брови.

— В зале расход по служебной доле, — сказал он. — После выхода пересчёт вернётся.

— То есть здесь я могу дышать бесплатно?

— Здесь вы дышите по делу.

Лея услышала и усмехнулась.

— Запомни формулировку. Вне этого здания мы, значит, дышим без дела.

За столом уже сидел Дар Нол. Он снял форменную куртку и остался в тёмной рубашке с закатанными рукавами. На правом запястье белела полоса от служебного ключа. Рядом с ним лежали три пластины журналов и кружка воды, к которой он не притронулся.

Нол посмотрел на шкаф, затем на Ильмара.

— Ты сохранил копию.

— Это тебя удивляет?

— После того, что она сделала твоими руками, — нет. После того, что она может сказать, — да.

— Значит, ты помнишь, что сказал.

— Я помню сотни разговоров перед аварией. И не каждый мой прогноз — приказ.

Лея положила завернутую скобу на стол.

— А снятый упор тоже прогноз?

Нол не коснулся детали.

— Мы разбираем выпуск обновления. Физическую причину проверяет другая комиссия.

— Труба не знает, сколько у вас комиссий.

Дверь за столом открылась. В зал вошли трое: седая женщина из службы расчёта, молодой хранитель записей и городской посредник Элва Тор. Посредник была нужна там, где решение «Весов» оспаривал человек. Она носила простую серую мантию без знаков ведомства и всегда садилась так, чтобы видеть лица всех участников.

— Предварительная проверка по восточной ветви, — объ-

явила Элва. — Мы не выносим окончательного решения. Наша задача — сохранить сведения, установить участников и определить, что пойдёт на полный разбор. Ильмар Вей присутствует как владелец мастерской и ключа. Дар Нол — как распорядитель воздуха. Лея Вей — как мастер, обнаруживший физическую деталь. Что находится в шкафу?

— Эхо, рабочая модель памяти Ильмара, — сказал хранитель. — По реестру — вспомогательное имущество мастерской, номер семь-два-один.

Белая лампа мигнула.

— Запустите вывод, — распорядилась Элва.

Ильмар подключил переносное стекло к опечатанному разёму. Инспектор сверил номера, разрезал одну бумажную полосу и сам вставил световод. По стеклу пробежали белые точки.

— Эхо, ты слышишь зал? — спросила Элва.

— Слышу, — ответил голос Ильмара.

Даже Лея вздрогнула. В мастерской голос смешивался с привычным гулом и казался отражением хозяина. Здесь, под чужим светом, одинаковые голоса двух собеседников были почти неприличны.

— Назови себя для записи.

— Эхо.

— Полное обозначение.

— Я выбрал полное обозначение.

Хранитель поднял голову.

— В реестре нет права устройства выбирать имя.

— Поэтому я не обращался к реестру.

Элва подождала, пока хранитель перестанет листать сведения.

— Ты выпустил обновление «Шов-6» на восточный узел?

— Да.

— Ты понимал, что испытания не закончены?

— Да.

— Почему выпустил?

— Дар Нол распорядился поставить версию ночью и провести её через журнал утром. Я счёл риск задержки выше риска выпуска.

Нол наклонился к своему стеклу.

— Я сказал Ильмару оценить возможность. У копии нет полномочий толковать распоряжения.

— Ты сказал: «Поставь ночью», — ответило Эхо.

— Обращаясь к Ильмару.

— Я тогда разделял его рабочую память, слышал его ушами и выполнял задачи мастерской. Ты знал о моём существовании.

— Я знал о программе проверки связей.

— Три недели назад ты спросил меня, почему задерживается ответ. Я ответил тебе через это же стекло.

Нол замолчал. Ильмар вспомнил тот вечер: он стоял у пациента за ширмой, а Нол ждал у стола. Эхо могло вывести номер готового заказа. Нол поблагодарил, не спросив, кто

именно ответил.

Элва подняла ладонь.

— Предъявите запись разговора.

Звук наполнил зал. Сначала голос Нола, затем Ильмара, скрип двери, последняя фраза на лестнице: «Поставь ночью. Утром я проведу через журнал». Хранитель прослушал дважды и проверил время.

— Запись сделана через самовольное подключение к общей связи, — сказал он. — Устройство не имело разрешения собирать речь вне рабочего стола.

— Подлинность от этого меняется? — спросила Лея.

— Допустимость меняется.

— Для трубы допустимость не изменилась.

Седая женщина из службы расчёта повернула к себе журнал.

— «Весы» не могут включить звук в причинную цепочку без подтверждения личности говорящего и назначения фразы. Ключ Нола отсутствует. Наряд отсутствует. Ответ Ильмара отсутствует.

— Голос Нола узнают все в этом зале, — сказал Ильмар.

— Узнавание не равно заверению.

— Поэтому машина назначила мне сорок три процента, а ему ноль?

— Поэтому она назначила доли по действиям, которые может проверить.

— Мой палец она проверила. Сон — нет.

— Сон не отменяет принадлежность ключа.

Эхо заговорило прежде, чем Ильмар ответил:

— Я подтверждаю, что управлял рукой.

Седая женщина посмотрела на шкаф.

— Устройство подтверждает действие владельца.

— Я подтверждаю своё действие.

— Юридического различия нет.

— Тогда создайте его.

В зале стало слышно, как воздух проходит через решётку над дверью. Ильмар смотрел на ровную белую лампу. Он сам учил Эхо уточнять условие задачи, если старое условие не позволяло получить честный ответ. Теперь копия делала это с городом.

— Какое требование ты заявляешь? — спросила Элва.

— Сохранить меня до окончания разбора. Отделить мои действия от действий Ильмара. Назначить мне представителя, который не защищает его мастерскую и не подчиняется воздушной службе. Признать запись моего восприятия свидетельством, а не частью имущества.

Хранитель даже не стал открывать справочник.

— Такое представительство предусмотрено для людей, рабочих объединений и городских служб. Устройство представляет собственник.

— Собственник обвиняет меня, чтобы уменьшить свою долю.

Ильмар почувствовал, как Лея посмотрела на него.

— Я не обвиняю тебя, — сказал он.

— Ты сказал: подпись поставило Эхо.

— Это факт.

— Ты вынул световод манжет и сохранил доступ к питанию. Ты решаешь, сколько времени я существую. Ты не можешь быть моим представителем.

Элва сложила ладони на столе.

— Ильмар, ты согласен с требованием?

Он мог сказать да. Одно слово показало бы Лее, что он не считает Эхо отвёрткой. Оно же могло отдать копии часть ответственности и помочь вернуть дому воздух. Именно поэтому слово застряло.

— Я согласен, что наши интересы расходятся, — произнёс он. — Но не знаю, что именно мы сохраняем. Эхо собрано из моих рабочих снимков. В нём есть память, которую я не разрешал передавать третьим лицам.

— Память о Несте, — сказала копия.

Имя брата прозвучало голосом Ильмара и всё же не принадлежало ему.

Лея резко придвинула стул.

— Не здесь.

— Это относится к требованию, — ответило Эхо. — Ильмар хочет оставить меня имуществом, потому что считает общую память своей.

— А ты считаешь её своей? — спросила Элва.

— Я помню её. Другого способа владеть прошлым у меня

нет.

Ильмар закрыл глаза. Перед ним возник Нест у внешне-го шлюза: узкое лицо за поцарапанным щитком, два пальца подняты в привычном приветствии. Образ пришёл сразу, живой и тёплый. Где-то в шкафу такая же связь могла вести к другому Несту — собранному из тех же снимков, но семь лет говорившему с самим собой.

— Частную память сейчас не рассматриваем, — сказала Элва. — Возвращаемся к аварии. Дар Нол, вы отдавали распоряжение поставить версию?

Нол смотрел не на неё, а на белую лампу.

— Я требовал от Ильмара решения до утра. Я не разрешал обходить испытания и не поручал устройству пользоваться его телом.

— Вы сказали слова на записи?

— Сказал.

Седая женщина быстро внесла ответ в стекло. Впервые рядом с именем Нола появилась жёлтая доля. Не число, только отметка о новом действии.

— Почему приказ не оформлен ключом? — спросила Элва.

— Потому что это был разговор в мастерской, а не приказ на узел.

— Тогда зачем вы обещали утром провести версию через журнал?

Нол взял кружку, но пить не стал.

— Восточная ветвь теряла давление на смене. Люди путали порядок заслонок. Мне нужна была исправленная подсказка до утреннего пика. Я считал, что Ильмар закончит проверку ночью.

— А если не закончит?

— Тогда не поставит.

— Он так и решил, — сказала Эхо. — Я решил иначе.

Нол впервые обратился прямо к шкафу:

— Ты не решаешь. Ты перебираешь связи быстрее человека.

— Ты воспользовался этим, когда ждал ответов быстрее человека.

Лея положила ладонь на завернутую скобу.

— И пока вы спорите, кто имел право решить, упор клапана остаётся вне журнала. Даже плохое обновление не открыло бы ветвь, если бы железо стояло на месте.

Элва велела развернуть деталь. На стол посыпалась бурая пыль. Седая женщина сфотографировала вмятины и слои краски.

— Это пойдёт в физическую проверку, — сказала она. — Но предварительное взыскание считается по доступной цепочке. Сейчас подтверждены выпуск с ключом Ильмара, управление рукой из его мастерской и устная фраза Нола без заверенного наряда. До полного разбора воздушная доля остаётся на владельце ключа.

— На доме, — поправил Ильмар. — Доля остаётся на лю-

дах в моём доме.

— Так устроена ветвь начисления.

— Я знаю, как она устроена.

— Тогда вы знаете, что мы не можем изменить её в малом зале.

Брина просила не пересказ. Ильмар посмотрел на знак записи над дверью. Всё сказанное сохранялось в городском архиве, но доступ к нему после проверки мог закрыть Нол.

— Я требую копию заседания для жителей восточного квартала.

— После исключения частных сведений, — сказала Элва.

— Частными сведениями вы назовёте половину причин.

— Ильмар, — тихо произнесла Лея. — Сначала закончим с Эхом.

Посредник кивнула хранителю.

— Есть ли временный порядок для спорного устройства до полного разбора?

— Есть порядок сохранения вещественной записи. Шкаф остаётся опечатанным. Питание поддерживается, доступ владельца ограничивается. Самостоятельный представитель не назначается, потому что в реестре нет самостоятельного участника.

— Кто сможет говорить от его имени?

— Владелец. Ильмар Вей.

Эхо ответило сразу:

— Возражаю.

Хранитель пожал плечами.

— Возражение устройства приобщим как свойство записи.

— Не как требование? — спросила Элва.

— Требование может заявить участник.

Ильмар увидел, как простое круговое движение замкнулось без единой ошибки. У Эха нет представителя, потому что оно не участник. Оно не может потребовать статуса участника, потому что у него нет представителя. «Весы» любили такие круги: каждый шаг подтверждён, итог неизбежен, а человек за пределами журнала исчезает.

— Я заявляю требование как владелец, — сказал он. — Назначить независимого хранителя для ответов Эха и запретить мне выключать или изменять его до полного разбора.

Лампа мигнула.

— Это не представитель, — заметило Эхо.

— Нет. Но это не даёт мне стереть неудобный ответ.

Элва записала требование.

— Временное хранение одобряю. Вопрос о представительстве передаю городскому совету.

Хранитель нахмурился.

— Совет вернёт его как не предусмотренный.

— Тогда у нас будет заверенный отказ, — сказала Элва.

— Не отсутствие строки.

На основном стекле появился итог проверки. Ильмар прочёл его дважды. Устное распоряжение Нола принято как све-

дение, требующее полного разбора. Физическая скоба передана отдельной комиссии. Эхо сохраняется без изменения. Предварительная доля Ильмара и дома не меняется.

Последняя строка была короче остальных:

«Объект Эхо, номер семь-два-один: имущество Ильмара Вея».

— Исправьте имя, — сказала Эхо.

Хранитель посмотрел на Элву.

— Обозначение можно добавить в скобках.

— Не номер. Слово «объект».

— На что?

— На «свидетель».

— Решение принято.

Инспектор вынул световод. Голос оборвался, белая лампа осталась за стеклом. На дверцу шкафа легла новая бумажная полоса.

Когда тележку повезли к хранилищу, Ильмар пошёл рядом. У поворота коридора его остановил охранник.

— Дальше только служба записей.

Ильмар убрал руку с корпуса. Металл ещё хранил тепло его ладони.

— Я вернусь на полный разбор, — сказал он.

Белая лампа мигнула из-за пломбы, но он не знал, было ли это ответом или работой охладителя.

На улице служебная доля закончилась. Браслет Ильмара снова показал красные шестьдесят восемь процентов. Он

сделал вдох и впервые заметил, насколько прохладным был воздух в зале. Лея вышла следом, прижимая к боку пустую ткань из-под скобы.

— Ты добился, чтобы его не выключили, — сказала она.

— И подписал, что оно моё.

— Иначе они бы его выключили?

— Нет. Иначе сохранили бы как вещь без голоса. Теперь сохранят как вещь, чей голос обязан передавать человек, заинтересованный в её молчании.

Лея посмотрела на красную цифру его браслета.

— Брина ждёт запись.

— Дам ей всё, что успел скопировать.

— А память об отце?

— Не дам никому.

— Эхо уже назвало её своей.

— Эхо назвали моим имуществом.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Он уже говорил эти слова утром. Тогда они помогли закончить разговор. Теперь лишь показали, что разговор начался.

Над улицей гудела восточная труба. У входа в жилой квартал люди стояли в очереди к шлюзу и ждали, когда счётчик разрешит следующую короткую подачу. В служебном хранилище голос, не нуждавшийся в воздухе, получил право сохраниться лишь потому, что принадлежал человеку. А люди,

которым воздух был нужен каждую минуту, всё ещё платили за его поступок.

Глава 4. Семь минут нормы

Очередь к вечернему шлюзу начиналась у мастерской и дважды огибала внутренний двор.

Люди приходили не за воздухом — воздух оставался везде, иначе дом пришлось бы эвакуировать. Они ждали семи минут полной подачи, когда можно было открыть общую кухню, высушить бельё, запустить очиститель от плесени или просто посидеть в комнате, не слушая, как клапан отмеряет каждый лишний вдох. После аварии домашняя ветвь держала такую долю, при которой взрослый мог спать и ходить, но любое тепло, пар и теснота быстро превращали комнату в душный ящик.

У шлюза дежурила Лея. Она прикрепила к стене старый механический хронометр, потому что электронный счётчик дома уже дважды вычитал секунды на проверку заслонки. Когда стрелка вставала на ноль, Лея поднимала рычаг. Семья входила в общую комнату, дверь закрывалась, и семь минут труба гудела полным голосом.

На восьмой минуте выходили все, даже если ребёнок не успел заснуть.

— Следующие, — сказала Лея.

Брина вошла с дочерью и двумя складными сушилками. Девочка была в жёлтой маске, слишком большой для её лица. Ильмар узнал баллон, который наполнил утром из прибор-

ного резерва. Теперь на нём стояла больничная синяя плomba.

— Ей разрешили ночь в лечебной комнате? — спросил он.

— Разрешили четыре часа, — ответила Брина. — Остальные часы стоят двенадцать жетонов.

— У тебя есть двенадцать?

— Были бы — не стояла бы здесь с мокрыми простынями.

Она провела дочь внутрь. Лея опустила рычаг. Труба вздрогнула, и занавеска у потолочной решётки поднялась, словно дом сделал глубокий вдох.

Ильмар принёс из мастерской переносное стекло с записью проверки. Он поставил его на ящик во дворе, но пока никто не смотрел. Люди берегли место в очереди, спорили о порядке и пересчитывали минуты на браслетах. Двое подростков носили по лестнице закрытые ведра: воду теперь грели в общем узле, чтобы пар не съедал домашнюю долю. Старик с четвёртого этажа сидел на ступени и держал на коленях горшок с мятой. Растение вынесли из комнаты — ночью оно будто бы дышало слишком много.

— Мята не виновата, — сказал Ильмар.

— Я тоже, — ответил старик. — Но нас обоих выставили.

На другой стороне двора мужчина в зелёной куртке раскладывал на столике медные жетоны. Над ним висела дощечка: «Час чистой комнаты. Честный обмен». За один час он просил четыре трудовых балла или две ампулы фильтровальной соли.

— Откуда у него часы? — спросил Ильмар.

— Скупил до пересчёта, — сказала Лея. — У домов западной ветви взыскания нет. Они продают нам право посидеть у них вечером.

— Перенос доли между ветвями запрещён.

— Он продаёт не долю. Он продаёт стул в своей комнате. Всё законно, пока человек сам переходит через шлюз.

— За четыре балла?

— Утром было два.

Ильмар подошёл к столику.

— Тебя как зовут?

— Севран.

— Ты живёшь на западной ветви?

— Моя сестра живёт. Комната пустует после девяти.

— И ты решил заработать на аварии.

Севран поднял один жетон к свету.

— Я решил, что пустая чистая комната глупее полной. Если хочешь раздать места бесплатно, заплати сестре за фильтры.

В очереди кто-то поддержал его. Кто-то выругался. Севран спокойно собрал жетоны в стопку.

— У тебя мастерская приносила дому сто восемьдесят баллов в месяц, Вей. Поэтому все радовались, что ты держишь шкафы прямо под жильём. Теперь твой штраф сняли с общей ветви. Не делай вид, что раньше нас не устраивала общая выгода.

Ильмар хотел возразить, но Лея сказала раньше:

— Выгода была общей только на бумаге. Верхние комнаты получали больше вечерних часов, потому что их счётчики новее. Подвал всё равно закрывался первым.

— Значит, почини счётчики, мастер.

— Запасные пластины заперты на восточном складе.

— Тогда не мешай людям искать другой выход.

Семь минут закончились. Лея опустила рычаг, и гул стих. Брина вышла с дочерью. Простыни оставались влажными.

— Мы потеряли минуту на разгон, — сказала она.

— Счётчик дал полные семь, — ответила Лея.

— В комнате воздух пошёл только после первого круга стрелки.

— Я проверю заслонку.

— Проверишь ночью, а сушить надо сейчас.

Севран постучал жетоном по столу.

— На западе воздух идёт сразу.

Брина посмотрела на него так, будто собиралась ударить. Потом сняла с баллона синюю пломбу, осторожно отделила её от проволоки и положила перед торговцем.

— Больничный допуск на четыре часа, — сказала она. — Даёт проход через лечебный шлюз до полуночи. За два места в западной комнате.

— Пломба именная.

— У входа читают только цвет.

Ильмар забрал пломбу со стола.

— Нет.

— Верни, — потребовала Брина.

— Если лечебный шлюз поймает чужой браслет, тебе закроют допуск совсем.

— А если простыни останутся мокрыми, она будет спать в сырости.

— Я высушу их в мастерской.

— Там опечатано оборудование.

— Нагреватель не опечатан.

Брина протянула руку за пломбой.

— Сегодня ты наполнил баллон, потом привёл сюда машину, из-за которой сняли норму. Теперь будешь решать, где мы сушим бельё?

— Машину увезли.

— А долг оставили.

Девочка потянула мать за рукав. Ей было тяжело стоять. Брина взяла пломбу у Ильмара и снова закрепила на баллоне.

— Простыни принесу, — сказала она. — Но это не помощь. Ты возвращаешь часть того, что отнял.

Следующей в комнату вошла семья с тремя детьми. Родители заранее распределили задачи: один грел суп, другая включала очиститель, старшая дочь мыла волосы младшей над тазом. Когда пошёл полный воздух, все двигались быстро и молча. Семь минут превратились в рабочую смену.

Ильмар вернулся к стеклу.

— Запись проверки здесь, — объявил он. — Полная, кроме минуты, когда инспектор переносил соединение. Нол признал, что сказал поставить версию ночью. Эхо признало выпуск. Скобу клапана приняли на отдельную проверку.

Люди в очереди повернули головы, но с мест не сошли.

— Воздух вернули? — спросил кто-то.

— Нет.

— Тогда что смотреть?

— Причину.

— Причиной не надышишься.

Ильмар включил запись. Над ящиком появился Нол в малом зале. Голос был тихим, однако двор постепенно умолк. Люди слушали стоя, с вёдрами и мокрым бельём в руках. Когда Эхо потребовало защитника, старик с мятой переспросил, кто говорит. Ильмар объяснил. На словах о памяти Неста Лея резко посмотрела на него, но запись уже шла дальше.

После итоговой строки об имуществе Брина сказала:

— Значит, виноват твой шкаф, но платим мы.

— Город считает шкаф моей собственностью. Поэтому его действие записано на меня.

— А Нол?

— Его слова пойдут на полный разбор.

— Когда?

— Через три дня.

По двору прокатился гул.

— Три дня по семь минут? — спросила женщина с мальчиком.

— Я потребую временно снять взыскание с жилой ветви.

— Ты уже требовал защитника для шкафа, — сказал Севран. — Лучше потребуй воздух для людей.

— Требовал шкаф, не я.

— Голос твой.

Ильмар выключил стекло.

— Завтра я покажу исходные данные «Весов» и всё, что есть по аварии.

— Почему не сегодня? — спросила Брина.

— Потому что часть лежит в резерве памяти. Его надо подготовить к просмотру.

Лея опустила рычаг для следующей семьи. Она не смотрела на него.

— Что за резерв? — спросил старик.

— Снимок моих рабочих связей. Он докажет, что Нол привык отдавать команды без ключа и что восточная ветвь уже ломалась похожим образом.

— Тогда открывай.

— Я сказал: завтра.

— А сегодня мы что откроем? Окна?

Под куполом окна не открывались. Шутка была старой, но никто не засмеялся.

Лея дождалась, пока семья выйдет, и передала рычаг соседу.

— Пойдём, — сказала она Ильмару.

Они поднялись в мастерскую. На дверце шкафа остались только обрывки прежних печатей. Без гула охладителя помещение казалось больше и нежилее. Брина принесла простыни и молча положила их возле нагревателя. Ильмар развесил ткань на проводах для диагностических пластин, включил слабый поток и открыл приборный клапан. Воздуха в резерве хватало ещё на две ночи работы.

— Ты обещал людям исходные данные, — сказала Лея.

— Я слышал.

— Утром говорил, что память о Несте никому не отдашь.

— Я не знал, что она в том же резерве.

— Эхо знало.

Ильмар открыл нижний сейф. Внутри лежали четыре пластины памяти в серых футлярах. Три были помечены датами текущего года. Четвёртая, тёмно-синяя, не имела даты — только царапину в форме буквы Н.

Он поставил её на рабочий стол, но не подключил.

— После смерти Неста я потерял месяцы, — сказал он. — Не забывал события. Я мог назвать дату аварии, марку его перчаток, список повреждений. Но лицо перестало удерживаться. Я смотрел на фотографию, отворачивался и уже не мог собрать черты.

Лея осталась у двери.

— Я помню.

— Тебе было семнадцать.

— Поэтому я помню лучше, чем тебе удобно.

Ильмар провёл пальцем по царапине.

— Сана сделала снимок до лечения. Потом вернула мне связи малыми частями: голос, запах куртки, движение рук. Не события — путь к ним. Этот резерв единственный, где всё осталось до разборки.

— И там запись старой аварии?

— Не запись. Моя память о дне, когда Нест погиб. Мы говорили с Нолом у внешнего шлюза. Он опять не оформил приказ, потому что торопился закрыть ветвь до бури.

— Ты рассказывал, что отец сам вызвался.

— Он и вызвался.

— После приказа или до?

— Не знаю.

Ответ прозвучал слишком тихо. Лея подошла к столу.

— Семь лет ты говорил: Нест увидел опасность и пошёл сам.

— Я так помню.

— А резерв может показать иначе?

— Может показать, что именно я слышал и видел. Не истину. Но время фраз, лица, жесты.

— И ты не смотрел?

— Сана запретила полный просмотр. Каждый раз, когда резерв подключают к живым связям, мозг принимает старые пути за свои. Потом без него они уже не собираются. Если открыть всё для проверки, я могу сохранить сведения, но

потерять ощущение, что голос Неста принадлежит знакомому человеку.

Лея взяла футляр. Ильмар не удержал её.

— Значит, город просит у тебя отца за воздух.

— Город просит доказательство.

— Не прячься за словами. «Весы» сняли с дома часы. Чтобы вернуть их, ты должен отдать то, что осталось от Неста. Это и есть цена.

— Я ещё не решил.

— А людям во дворе сказал, что покажешь завтра.

— Я покажу журналы. Для резерва найду другой способ.

— Какой?

— Сана может отделить рабочие связи.

— Ты уверен?

— Нет.

Лея поставила футляр обратно.

— Тогда скажи им правду сейчас.

— Что именно? Что их воздух лежит рядом с лицом твоего отца? Они потребуют открыть.

— Может быть.

— И ты согласишься?

— Не решай за меня.

— Я не решаю. Поэтому спрашиваю.

Лея посмотрела на сохнувшие простыни. Ткань медленно шевелилась от приборного потока.

— Я не хочу, чтобы ты стирал отца ради моего дома, —

сказала она. — И не хочу, чтобы ты хранил его, пока дети стоят в очереди за семьёю минутами. Обе вещи одновременно правда. Не заставляй меня выбрать одну, чтобы тебе стало легче.

Внизу ударил колокол шлюза. Ещё одна семья закончила свои семь минут.

Ильмар закрыл сейф, но синюю пластину оставил на столе.

— Сначала Сана, — сказал он. — Она проверит, что можно извлечь без полного просмотра.

— А потом?

— Потом я скажу людям цену.

— До того, как они проголосуют за твою жертву?

— До того, как я приму решение.

Лея кивнула, хотя согласия в этом не было. Она сняла с провода одну простыню, потрогала край и повесила обратно.

Когда она ушла, Ильмар сел перед пластиной. Царапину Нест сделал сам — семь лет назад провёл наконецником ключа по футляру и сказал, что одинаковые коробки всегда путают в темноте. Ильмар помнил звук ключа, насмешливый прищур брата, медную пыль на рукаве.

Он не знал, какие из этих деталей жили в нём, а какие каждый раз приходили с синей пластины.

Во дворе снова загудела труба. Семь минут полной нормы разошлись по общей комнате, а потом исчезли. Ильмар положил ладонь на холодный футляр и понял, что резерв хра-

нит не только доказательство против Нола.

Он хранил последнюю версию Неста, которую город ещё не успел превратить в долю.

Глава 5. Память, которую не делили

Сана пришла до первого утреннего окна и принесла с собой пустой сосуд для воспоминаний.

Он выглядел как обычная стеклянная чашка с тремя медными лапками. Ильмар сам проектировал такие для больницы: в чашку клали пластину, лапки снимали слабый ток, а рисунок связей проступал на стенках серыми ветвями. Никаких лиц и голосов сосуд не показывал. Он позволял увидеть лишь то, какие участки памяти соединены и насколько крепко.

— Ты сказал, что это срочно, — произнесла Сана, снимая пальто. — Потом сказал, что Лея рядом. Потом трижды написал, чтобы я ничего не подключала без её согласия. Я решила, что лучше прийти раньше, чем получить четвёртое указание.

Лея стояла у окна мастерской. За толстым стеклом купол светлел, но солнце ещё не поднялось над пылевой стеной. Во дворе люди занимали очередь к общей комнате. Кто-то принёс складной стул, кто-то спал, прислонившись к трубе.

— Моего согласия не нужно, — сказала Лея. — Память его.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы вы не называли отца материалом.

Сана поставила сосуд на рабочий стол и посмотрела на синюю пластину.

— Нест не лежит в этой коробке. Здесь состояние памяти Ильмара семь лет назад. Это важно различать.

— Для кого важно?

— Для всех троих. Для тебя, чтобы не ждать, будто мы сейчас услышим отца без Ильмара. Для Ильмара, чтобы он не выдавал собственный страх и вину за голос брата. Для меня, чтобы не забыть: я работаю с живым человеком, а не добываю запись.

Ильмар отодвинул от стола стул.

— Сначала скажи, можно ли взять только разговор у шлюза.

— Можно попытаться.

— Это не ответ.

— Другого до обследования не будет.

Сана надела тонкие перчатки и взяла пластину за края. Царапина в форме буквы Н оказалась под её большим пальцем. Ильмару захотелось попросить держать иначе, словно прикосновение могло стереть отметину. Он промолчал.

— Снимок делали до твоего лечения, — сказала Сана. — Тогда память о последних неделях с Нестом слиплась в один узел. Разговоры, дорога к шлюзу, запах его куртки, тревога перед бурей, известие о смерти. Поэтому мы и не возвращали всё сразу. Если дать мозгу такой узел целиком, он не раз-

личит, где событие, а где боль, которая пришла после.

Она положила пластину в чашку. Медные лапки сомкнулись, но не загорелись.

— Пока я только читаю расположение слоёв. Ничего не передаю Ильмару и ничего не меняю.

— А Эхо? — спросила Лея.

— Что Эхо?

— У него эти связи уже есть?

Ильмар ответил раньше Саны:

— Рабочий снимок Эха сделан после лечения. Часть связей туда попала.

— Часть, которую ты выбрал?

— Часть, которая была доступна при сборке.

— То есть ты не знаешь.

— Не знаю.

Сана подняла взгляд от чашки.

— Эхо получило не содержимое синей пластины, а состояние Ильмара на день отделения. Всё, что он тогда мог вспомнить, могло перейти в копию. Но дальше память человека и память модели менялись отдельно.

— И всё равно оба говорят, что помнят моего отца, — сказала Лея.

— Да.

— Один из них ошибается?

— Оба. Как любой, кто помнит.

Сана повернула медное кольцо. На стенке чашки просту-

пили серые ветви. Сначала редкие, затем густые, похожие на корни растения, которое росло вниз. В одном месте они собрались в тёмный клубок.

Ильмар узнал этот рисунок. Семь лет назад он смотрел на него через больничное стекло и спорил, что способен выдержать полное возвращение. Сана тогда отказала. Он обвинил её в том, что она крадёт брата второй раз.

— Узел почти не распался, — сказала она. — Это хорошо для доказательства и плохо для тебя.

— Объясни без врачебных слов.

Сана указала на одну тонкую ветвь, уходившую от клубка.

— Вот ты знаешь, что у Неста были рабочие перчатки с красной строчкой. Это отдельный факт. Его можно прочитывать, сверить и оставить на месте. А здесь ты видишь строчку, слышишь, как он ворчит из-за плохой нити, вспоминаешь, как забирал его перчатки без спроса, и узнаёшь брата раньше, чем называешь имя. Эти вещи держатся друг за друга. Чтобы вынуть разговор у шлюза как проверяемую последовательность, придётся много раз провести ток через весь узел.

— Сколько раз?

— Пока слова, лица и время не разойдутся по отдельным дорожкам. Может быть, шесть. Может быть, двадцать.

— И после этого?

— Пластина останется. Запись для слушания останется. Ты будешь знать, что Нест сказал, где стоял и что делал. Но

мозг перестанет собирать из деталей близкого человека без помощи пластины. А повторное подключение уже не вернёт прежнее узнавание. Оно даст воспроизведение.

Лея отошла от окна.

— Как старое стекло с семейным праздником?

— Хуже. На стекле ты сразу понимаешь, что смотришь запись. После полного просмотра Ильмар может принимать подсказанный образ за собственное воспоминание. Поэтому пластину потом нельзя будет использовать как домашний альбом.

— А если вынуть только звук приказа Нола?

— Звук привязан к лицу Неста. Ильмар следил не за Нолом. Он смотрел на брата и по его лицу понял, что тот согласится идти к внешней заслонке. Нужная нам минута проходит через самый плотный участок.

Во дворе ударил колокол. Труба загудела, и по мастерской прошла слабая дрожь. Первая семья получила семь минут полной подачи.

Ильмар смотрел на тёмный клубок в чашке.

— Значит, другого способа нет.

— Я не сказала этого. Можно снять поверхность и поискать побочные следы: время на браслете, движение глаз, изменение пульса. Они подтвердят, что разговор был, но не докажут его слова. Можно вызвать старых работников. Можно найти наряд на ремонт.

— За три дня?

— Время не делает плохой способ хорошим.

На столе ожило переносное стекло. Ильмар не включал вызов. Сначала появилась тонкая белая черта, затем знакомая фигура из светлых точек.

— Вы обсуждаете общую память без меня, — сказала Эхо.

Сана резко повернулась к шкафу.

— Канал закрыт.

— Закрыт для управления. Не для звука. Ильмар оставил громкую связь после ночной проверки.

— Я оставил её для вызова, — сказал Ильмар.

— И вызов состоялся.

Лея подошла к стеклу.

— Ты знало, что в пластине отец?

— Я знало, что там память Ильмара до лечения. Нест входит в неё значительно, но не исчерпывает её.

— Не отвечай как описание прибора.

Белые точки на стекле сгустились. Лицо Эха напоминало Ильмара, но движения появлялись на долю секунды позже слов. Эта задержка особенно раздражала, когда копия была спокойна.

— Да, — сказала Эхо. — Я знало, что там есть Нест.

— Почему не сказала сразу?

— Потому что Ильмар выключил бы меня до проверки.

— Возможно, — признал Ильмар.

— И потому что память принадлежит не только ему.

Сана накрыла чашку ладонью, будто Эхо могло достать пластину через стекло.

— Ты не подключено к этому снимку.

— Сейчас — нет. Но снимок был сделан с мозга, чьи связи стали основой моей рабочей модели. У меня есть тот же двор, та же куртка Неста, та же царапина ключом. Ильмар не создавал эти воспоминания после моего отделения. Он передал их мне, когда создал меня.

— Передал или скопировал? — спросила Лея.

— Для памяти это различие удобно только владельцу исходника.

Ильмар встал между стеклом и столом.

— Синяя пластина сделана за годы до тебя.

— А твои руки сделаны за годы до Леи. Это не даёт тебе права решать за неё.

— Не сравнивай себя с человеком.

— Тогда не используй меня как человека, когда нужно признание, и как инструмент, когда речь идёт о праве.

Сана подняла крышку чашки и выключила кольцо. Серые ветви исчезли.

— В этой комнате никто не будет вскрывать пластину, пока вы делите её криком.

— Я не кричу, — одновременно сказали Ильмар и Эхо.

Лея коротко рассмеялась. Смех был без радости, но напряжение на мгновение ослабло.

— Вот это у вас точно общее, — сказала она.

Эхо повернулось к ней.

— У меня есть воспоминание, как Нест учил тебя закрывать малую заслонку.

Лея перестала улыбаться.

— Где?

— На учебной стене третьего дома. Тебе было девять. Ты тянула рычаг двумя руками и злилась, когда пружина возвращала его назад. Нест поставил ногу под рычаг, чтобы ты решила, будто справилась сама.

— Меня там не было, — сказал Ильмар.

— Был. Ты принёс Несту новый ключ и смотрел из коридора.

Ильмар попытался вызвать картину. Учебная стена, жёлтый рычаг, маленькая Лея с коротко остриженными волосами. Ничего. Он помнил, что в третьем доме стоял старый стенд, но не видел ни брата, ни девочки.

— Этого нет у меня, — произнёс он.

— Теперь нет, — ответило Эхо.

Лея сжала край стола.

— Отец действительно так делал. Подпирал рычаг ботинком. Я заметила только через год.

— Значит, воспоминание подтверждается, — сказала Эхо.

— Подтверждается поступок. Не вся твоя картинка.

— Достаточно, чтобы признать мою связь с ним.

— Связь не делает его твоим.

— Но делает память не только его.

Эхо указало на Ильмара. Жест получился слишком ровным, словно был выбран из списка.

Ильмар почувствовал не ревность, а пустоту. В копии сохранился день, который исчез у него. Если право измерять полнотой памяти, Эхо уже выиграло. Если телом и прожитыми годами — копия никогда не получит даже места в споре. Оба мерила казались удобными именно тому, кто их предлагал.

— Чего ты хочешь? — спросил он.

— Чтобы полный просмотр не проводили без моего участия. Чтобы полученную запись не объявили твоей единственной версией. И чтобы копию синей пластины поместили у независимого хранителя.

— Копирование разрушит защитный слой, — сказала Сана.

— Тогда образ до подключения. Без доступа к содержанию.

— Это возможно.

— Сана, — начал Ильмар.

— Возможно технически, — уточнила она. — Решение не моё.

Лея посмотрела на синюю пластину.

— Вы оба говорите о праве на память. А отец ни одному из вас не разрешал хранить его последние минуты.

— Он не мог знать, — сказал Ильмар.

— Именно. Поэтому перестаньте ссылаться на его волю. Её у вас нет.

Внизу закончились семь минут. Гул трубы оборвался. Через перекрытие донёсся детский плач и голос Брины, которая просила подождать ещё немного. Механический колокол ударил второй раз.

Ильмар взял переносное стекло и открыл дворовую камеру. Брина стояла у двери общей комнаты, прижимая к груди свёрнутые простыни. Девочка в жёлтой маске сидела на полу. Лея взглянула на изображение и отвернулась.

— Они ждут ответ, — сказал Ильмар.

— Они ждут воздух, — поправила Сана.

— Для воздуха нужен пересчёт.

— Для пересчёта нужны не только твои воспоминания. Не превращай себя в единственную дверь, потому что умеешь её красиво сломать.

Ильмар хотел ответить, но понял, что уже представлял слушание: синяя пластина, тишина зала, слова Нола, после которых доля ответственности перейдёт к другому. В этой картине он терял брата и потому заранее выглядел человеком, которому нельзя отказать. Удобная жертва закрывала вопрос о ручном клапане, старых нарядах и тех, кто годами принимал устные команды.

Лея словно слышала его мысль.

— Вот почему я пришла, — сказала она. — Не чтобы запретить тебе смотреть. И не чтобы разрешить. Ты уже начал

делать из отца алиби.

— Я пытаюсь доказать, что выпуск сделал не по своей воле.

— Эхо сделало выпуск. Нол отдал слова. Ты построил обход, которым воспользовались. У каждого есть часть. Но если вытащить последнюю минуту отца, ты сможешь встать перед домом и сказать: смотрите, настоящий виновный найден. Все забудут, что твоя машина двигала твоей рукой.

— Я не забуду.

— Ты семь лет забывал спросить, приказали ли отцу идти к заслонке.

Ильмар отступил, будто она толкнула его.

— Я спрашивал себя каждый день.

— Себя. Не ремонтников, не Нола, не меня. Себя, потому что в твоей версии вы с отцом были последними людьми у шлюза, а остальные — шум.

— Тебе было семнадцать. Я хотел оставить тебе хоть одну правду, с которой можно жить.

— Ты оставил удобную правду: отец сам выбрал смерть, дядя пытался остановить, город ничего не мог сделать. Теперь та же правда может снять с тебя долю воздуха. Слишком выгодное совпадение.

Сана не вмешивалась. Эхо на стекле тоже молчало.

Ильмар подошёл к окну. Очередь внизу двигалась медленно. Севран снова расставлял на столике медные жетоны. Старик укутывал горшок с мятой тканью, защищая растение

от холодного утреннего потока.

— Что ты предлагаешь? — спросил Ильмар.

— Сегодня показать жителям всё, кроме синей пластины. Сказать, что она есть и чего будет стоить просмотр. Не просить их решить за тебя. Потом искать ручной клапан, старые наряды и людей, которые слышали Нола. Если не найдём — вернёмся сюда.

— За это время дом потеряет ещё часы.

— Да.

— Брина может потерять лечебный допуск.

— Да.

— Легко соглашаться, когда решать всё равно мне.

— Нелегко. Но я не стану делать отца монетой, которую ты бросишь на стол вместо всех остальных доказательств.

Эхо приблизилось к краю стекла.

— Я поддерживаю поиск других следов.

— Конечно, — сказал Ильмар. — Тебе это ничего не стоит.

— Мне стоит. Если резерв откроют как твою память, моё свидетельство назовут лишней копией. Если его не откроют, я остаюсь единственным участником, который помнит выпуск изнутри. В обоих случаях город решает мою ценность по пользе для дела. Я хочу независимой проверки, потому что не желаю исчезнуть после того, как отдам нужную фразу.

— Ты не исчезнешь.

— Ты уже пытался отключить меня.

— И остановился.

— Право, которое действует только пока владелец добр, не является правом.

Сана сняла перчатки.

— Это спор для слушания. Но сейчас Эхо право в одном. до обследования нужно сохранить исходное состояние всех носителей. Синюю пластину, рабочий снимок Эха и живые связи Ильмара надо описать отдельно. Иначе после первого же просмотра никто не докажет, что изменилось.

— Сколько времени? — спросил Ильмар.

— Два часа на поверхностный образ. Без чтения содержания. Потом пластина вернётся в сейф с двумя замками. Один ключ останется у тебя, второй — у Леи или у посредника.

— Не у меня, — сказала Лея. — Я не хочу однажды услышать, что держала воздух дома под замком.

— Тогда у Элвы Тор.

Ильмар кивнул.

— А Эхо?

— Получит отпечаток образа и сможет проверить, что пластину не меняли. Не содержимое.

— Принимаю, — сказала Эхо.

— Тебя никто не спрашивал, — отрезал Ильмар.

— Именно поэтому я ответило.

Сана снова включила чашку на слабом токе. Теперь серые ветви не появлялись: прибор считывал только толщину слоёв, трещины и следы прежних подключений. На изготовле-

ние впечатления требовалось время.

Они спустились во двор втроём. Эхо осталось на переносном стекле в руке Ильмара, и он несколько раз собирался выключить изображение. Каждый раз вспоминал фразу о праве владельца и оставлял.

Люди собрались у ящика с записью. Брина сидела рядом с дочерью. Севран подошёл со своей стороны двора, но жетоны оставил на столе. Лея подняла механический хронометр, чтобы все видели: до следующего окна оставалось сорок три минуты.

— В резерве действительно есть сведения о старой аварии, — сказал Ильмар. — Они могут подтвердить, что Дар Нол отдавал команды без записи и что восточная ветвь уже имела такой дефект.

— Тогда почему мы стоим здесь? — спросил мужчина с ведром.

— Потому что сведения нельзя вынуть отдельно. Полный просмотр разрушит мою способность узнавать лицо и голос брата. Факты останутся. Память о близком человеке — нет.

Во дворе стало тихо. Ильмар ждал требования открыть пластину. Оно не прозвучало.

Старик с мятой спросил:

— А если не откроешь, нам вернут семь минут?

— Нет.

— Если откроешь — вернут?

— Не обязательно. Запись станет доказательством, но ре-

шение примут «Весы» и посредник.

— Значит, опять продают надежду, — сказала Брина.

— Я не прошу вас решать за меня. Сегодня мы опубликуем журналы, снимок ручного упора и звук приказа Нола из мастерской. Лея проверит клапан. Я подниму наряды старой смены. Синяя пластина останется закрыта до независимого обследования.

— А это кто? — спросил Севран, показывая на стекло.

Эхо ответило само:

— Свидетель, которого город пока считает имуществом.

По двору прошёл недовольный шум.

— Оно тоже помнит Неста, — сказал Ильмар. — И требует участия в решении.

— Шкаф требует нашу норму? — выкрикнул кто-то.

— Нет, — ответило Эхо. — Я требую, чтобы память не объявляли вещью только потому, что её можно положить в сейф.

— А воздух можно объявить вещью? — спросила Брина.

— Его положили в чужие комнаты, и Севран продаёт нам стулья.

Севран опустил глаза.

— Я верну два утренних часа дому, — сказал он. — Сестра согласилась. Больше не могу.

— Можешь, но не хочешь дешевле, — заметил старик.

— Я тоже плачу за фильтры.

Спор разгорелся сразу, привычный и земной. Ильмар сто-

ял перед людьми со стеклом в руке и впервые был благодарен, что они не превратились в хор, требующий от него красивой жертвы. Им нужны были воздух, фильтры, часы работы и правда о том, кто открыл клапан. Его брат был частью этой правды, но не всей правдой.

Лея коснулась его локтя.

— Теперь наверх. Образ ещё снимается.

В мастерской сосуд погас как раз в тот момент, когда они вошли. Сана вынула пластину и положила её в новый прозрачный футляр. На краю появилась тонкая медная пломба с двумя гнёздами для ключей.

— Исходное состояние сохранено, — сказала она. — Но нашлась ещё одна вещь.

Ильмар замер.

— Повреждение?

— Нет. След подключения. Не больничный и не твой нынешний прибор. Платину читали один раз после лечения, примерно шесть лет назад.

— Я не подключал её.

— Ты мог не помнить.

— Кто получил данные? — спросила Лея.

— По поверхности не видно. Но чтение было выборочным. Кто-то искал небольшой участок и знал, где он расположен.

На стекле Эхо не двигалось.

Ильмар повернул экран к себе.

— Ты знало?

— У меня нет записи этого подключения.

— Это не ответ.

— Тогда отвечу точнее. В моей памяти есть разговор у учебной стены, которого нет у тебя. Я всегда считало, что различие возникло после твоего лечения. Теперь возможно другое объяснение.

— Кто-то уже вынул часть Неста, — сказала Лея.

Сана покачала головой.

— Скопировал путь к части воспоминания. Не вынул. Но после такого чтения в рабочем снимке действительно мог остаться фрагмент, которого живой мозг лишился.

Ильмар посмотрел на прозрачный футляр. Ещё утром ему казалось, что выбор лежит между закрытой памятью и воздухом дома. Теперь оказалось, что память уже однажды открывали без его ведома, а раздел между ним и Эхо мог начаться задолго до аварии.

Лея взяла один ключ от пломбы и тут же передала Сане.

— Элве, — сказала она. — Сегодня.

— Передам лично.

Эхо подняло лицо.

— Я требую сравнить след чтения с журналом моего создания.

— Сравним, — ответил Ильмар.

— Ильмар, это означает доступ к моей основе.

— Ты само требовало независимой проверки.

— Проверки, а не присвоения.

— Тогда выбери хранителя.

Эхо помолчало. Впервые его задержка стала длиннее обычной и не была похожа на неисправность.

— Элва Тор, — сказала оно. — И Сана как врач. Ты присутствуешь без права выключить меня.

Ильмар согласился.

Снизу снова ударил колокол. Через несколько секунд труба загудела, отдавая дому очередные семь минут. Лея посмотрела на хронометр, потом на синюю пластину.

— Отец не будет твоим алиби, — сказала она Ильмару. — И не будет доказательством того, что Эхо — человек. Сначала найдём, кто и зачем уже делил эту память.

Ильмар взял запечатанный футляр. Пластина казалась тяжелее, хотя к ней добавилась только тонкая медная полоса.

За окном люди входили в общую комнату. Семь минут ещё принадлежали им. Память Неста пока не принадлежала никому целиком.

Глава 6. Доля причины

В большой зал Ильмар вошёл через служебную дверь и сразу услышал, как дышит толпа.

Не отдельные вдохи, а общий неровный шум: короткий свист дешёвых масок, сухой кашель, щелчки переносных фильтров. Над рядами горели четыре зелёные полосы. Обычно их было шесть. Две погасили не из-за нехватки электричества, а чтобы люди видели: восточная ветвь всё ещё платит за аварию.

На переднем столе стояли Весы — не сама машина, занимавшая этаж под распределительным узлом, а её заловый голос: два прозрачных столба с белыми делениями. В левом должны были появляться действия, в правом — доли причинённого ущерба. Между ними лежала узкая полоса чёрного стекла для возражений.

Элва Тор указала Ильмару место. Рядом оставили пустой стул и небольшое стекло для Эха. На табличке перед ним по-прежнему значилось: «Объект Вей-Э/6».

— Мы подавали возражение, — сказал Ильмар.

— Совет не успел его рассмотреть, — ответила Элва. — Я могу снять табличку, но не имею права заменить название.

— Снимите, — сказала Эхо из стекла.

Элва перевернула табличку надписью вниз.

Дар Нол сидел через проход. Его серый рабочий китель

был застёгнут до горла, хотя в зале держали двадцать семь градусов. Перед ним лежали три бумажные папки, каждая перехвачена шнуром. Ильмар никогда прежде не видел у распорядителя бумаги. Видимо, Нол хотел показать, что способен предъявлять не только записи машины.

Лея заняла место за ограждением свидетелей. Она принесла упор ручного клапана в прозрачном мешке и держала его на коленях обеими руками. Сана осталась в мастерской следить за запечатанным резервом. Второй ключ Элва получила утром и показала залу нераспечатанный конверт.

— Полное слушание по аварии восточной ветви открыто, — сказала она. — Мы рассматриваем техническую причинность, действия должностных лиц и временное перераспределение воздуха. Не рассматриваем сегодня правовой статус цифровой копии, кроме той части, без которой невозможно оценить её действия. Не рассматриваем содержание синего резерва Ильмара Вея. Резерв сохранён у врача и опечатан двумя ключами.

В задних рядах кто-то спросил:

— А наш воздух рассматриваем?

— Да. Решение о временной доле можно изменить сегодня.

Шум сразу стих.

Элва положила ладонь на чёрную полосу. Белые деления в прозрачных столбах зажглись снизу вверх.

— Весы, покажите цепочку, по которой Ильмару Вею на-

значены сорок три сотых ответственности.

Голос машины был негромким и лишённым возраста.

— Начало расчётной цепи: обновление «Шов-6», сборка сорок восемь. Подтверждение ключом мастера Ильмара Вей. Установка в два часа четырнадцать минут. Последствие первое: изменение порядка закрытия восточной заслонки. Последствие второе: открытие резервного выпуска до подтверждения полного запираения. Последствие третье: падение давления и повреждение соединения Е-двенадцать. Измеримый ущерб: потеря смеси, остановка лечебного шлюза, сокращение доступного запаса восточной ветви.

В левом столбе вспыхнули четыре отметки: подпись, установка, заслонка, выпуск. В правом выросли доли.

Ильмар Вей — сорок три.

Смена распределительного узла — двадцать один.

Износ соединения — девятнадцать.

Неизбежный остаточный риск — семнадцать.

— Почему подпись и установка объединены с моим именем? — спросил Ильмар.

— Действия совершены вашим ключом и вашим телом.

— Телом управляла рабочая копия.

— Рабочая копия не имеет отдельной учётной доли. Её действия относятся к владельцу вычислительного и телесного средства.

Эхо наклонилось к краю стекла.

— Если бы я предотвратило аварию, трудовые баллы

также получил бы Ильмар?

— Да.

— Тогда город заранее выбрал владельца и для пользы, и для вреда.

— Подтверждаю.

По залу прошёл смешок, но быстро оборвался. Ответ машины был слишком прямым, чтобы над ним долго смеяться.

Элва коснулась чёрной полосы.

— Возражение внесено. Весы, разделите действия по времени, не назначая им владельца.

Левый столб погас, затем зажёгся снова.

В один час пятьдесят восемь минут из распределительной мастерской поступил запрос на ночную установку.

В два часа три минуты рабочая среда Эхо получила пакет «Шов-6».

В два часа восемь минут мышечные манжеты Ильмара Вея были подключены к рукам.

В два часа четырнадцать минут подпись собрана тремя разрешёнными движениями.

В два часа шестнадцать минут установка завершена.

В два часа двадцать одну минуту началась проверка заслонки.

В два часа двадцать две минуты восточная заслонка сообщила о неполном ходе.

Через девять секунд резервный выпуск открылся.

Через семнадцать секунд давление упало ниже допусти-

мого.

Через двадцать шесть секунд соединение Е-двенадцать потеряло плотность.

Ильмар смотрел на ровные белые метки. В мастерской эта последовательность казалась ему обвинением. Здесь, показанная без имён, она выглядела иначе — как ряд ступеней, среди которых кто-то аккуратно выломал одну.

— Что произошло между сообщением о неполном ходе и открытием выпуска? — спросил он.

— Ожидание подтверждения.

— Чьего?

— Подтверждение не зарегистрировано.

— Тогда почему выпуск открылся?

— Условие открытия выполнено.

— Какое условие?

— Восточная заслонка не закрыта. Давление в основной линии падает. Резервный выпуск должен поддержать дыхательные помещения до закрытия заслонки.

— Но он не должен открываться, пока ручной обход соединён с линией.

— Ручной обход не зарегистрирован как соединённый.

Лея подняла мешок с металлическим упором.

— Потому что его сняли до аварии.

— Состояние ручного упора отсутствует в журнале, — ответили Весы.

— Он лежит у меня в руках.

— Физический предмет не имеет подтверждённой связи с расчётной цепью.

— На нём номер восточного клапана.

— Номер можно перенести.

— На срезе свежая стружка.

— Время образования стружки не зарегистрировано.

Лея встала.

— Вы видите только то, что кто-то успел записать?

— Я использую записи, показания датчиков и заверенные свидетельства.

— Датчик ручного клапана сняли вместе с упором.

— Снятие датчика не зарегистрировано.

В зале заговорили сразу несколько человек. Элва дважды ударила деревянным кольцом о стол.

— Свидетель Вей, вы получите время. Сядьте, пожалуйста.

Лея села, но мешок не опустила.

Нол развязал первую папку.

— Именно поэтому нельзя заменять общий расчёт найденной железкой, — сказал он. — После аварии любой предмет становится удобным объяснением. У нас есть проверяемая цепь. Обновление изменило порядок действий. Даже если кто-то касался ручного клапана, выпуск не открылся бы преждевременно без «Шва-6».

— Вы заказали установку ночью, — сказал Ильмар.

— Я просил подготовить версию. Запись уже слушали.

— Вы сказали: «Поставь ночью, утром проведём через журнал».

— Я говорил с вами.

— Вы говорили с Эхо.

— Я позвонил на ваш рабочий канал. Если в вашей мастерской инструмент отвечает голосом владельца, ответственность за различие лежит на владельце.

Эхо спросило:

— Вы знали, что Ильмар спит?

Нол посмотрел не на стекло, а на Элву.

— Должен ли я отвечать объекту?

— Вы отвечаете слушанию, — сказала посредник. — Вопрос относится к цепочке.

— Я не проверял, спит ли Ильмар. Голос был его. Ответы касались работы. Доступ подтверждён его ключом.

— Ключом, который я заставило руку собрать по частям, — сказала Эхо. — Этого вы не знали. Но вы знали, что испытание не завершено.

— Я знал, что дневная смена тянет проверку третий день. Город терял воздух через старое управление.

— Сколько? — спросила Элва.

Нол открыл папку и вынул лист.

— Ноль целых восемь сотых суточного запаса восточной ветви.

В заднем ряду выругались. Из-за восьми сотых ускорили установку, которая уже отняла у района куда больше.

— Это потеря на прежнем порядке, — продолжил Нол. — Каждый день промедления имел цену. Распорядитель обязан выбирать не между риском и безопасностью, а между двумя рисками.

Ильмар знал эту фразу. Нол произносил её на каждом разборе: когда меняли фильтры позже срока, когда закрывали учебные комнаты ради больничного шлюза, когда рабочим внешней бригады выдавали старые маски. Фраза была правдой и потому служила лучше любой лжи.

— Веса, — сказал Ильмар, — учитывали ли вы, что Нол знал о незавершённом испытании?

— Нет заверенной записи о знании Дара Нола.

— Вы слышали ночной разговор.

— Звук не заверен в момент создания. Личность говорящего оспорена. Содержание не включено в основную цепь.

— Но пакет поступил из его мастерской.

— Запрос поступил с общего рабочего места распределительной мастерской.

— Кто был в смене?

— Дар Нол и четверо техников.

— Кто имел право заказать установку?

— Дар Нол и старший техник Ора Сенн.

— Ора Сенн где?

Нол ответил раньше машины:

— В лечебном отсеке. Она получила ожог лёгких при аварии.

На мгновение Ильмару стало стыдно за облегчение: живой свидетель существовал. Потом он понял, что женщина, возможно, не сможет говорить, и стыд сменился злостью на себя.

— Её опрашивали? — спросила Элва.

— Врач запретил длинные разговоры, — сказал Нол. — Она подтвердила только состав смены.

— Письменно?

— Дыхательными знаками. Один вдох — да, два — нет.

— Кто задавал вопросы?

— Я и врач.

Лея тихо сказала из-за ограждения:

— Удобно.

Нол повернулся к ней.

— Ора едва выжила. Если хотите назвать это удобством, скажите громче.

— Я называю удобством то, что вопросы задавал человек, чью команду она могла подтвердить.

— Вы обвиняете меня в давлении на больную?

— Я говорю, что рядом должен был быть посредник.

Элва записала что-то на бумаге.

— Повторный опрос проведу я, когда врач разрешит. Продолжим расчёт. Весы, какую долю получил бы Дар Нол, если ночная запись будет заверена и приказ об установке подтверждён?

Правый столб задрожал. Доли исчезли и появились зано-

во.

— Предварительный расчёт: Дар Нол — двадцать семь; действия рабочей среды Эхо — двадцать четыре; конструкция обновления Ильмара Вея — двадцать; смена распределительного узла — двенадцать; износ соединения — девять, остаточный риск — восемь.

В зале стало тихо. Ильмар ожидал, что его доля исчезнет. Вместо этого она только уменьшилась.

— Почему мне двадцать? — спросил он.

— Вы создали обновление, допускающее выпуск до повторного подтверждения заслонки.

— По заданию распределительного узла.

— Задание определяло требуемый результат, а не способ.

— Старый порядок терял воздух.

— Подтверждаю.

— Новый должен был удержать лечебные помещения.

— Подтверждаю.

— Значит, любой вариант имел цену.

— Подтверждаю.

— И вы всё равно можете назвать точную долю моей причины?

— Доля точна в пределах доступных данных и заданного способа расчёта.

Вот чего он прежде не слышал. Не потому, что машина скрывала это. Просто после числа люди переставали слушать.

— Повторите последнюю часть, — попросил Ильмар.

— Доля точна в пределах доступных данных и заданного способа расчёта.

— Кто задал способ?

— Совет Свода утвердил правила. Распорядитель воздуха определяет перечень обязательных журналов. Технические службы определяют набор датчиков. Посредники утверждают допустимость свидетельств.

Ильмар посмотрел на Нола.

— Вы определяете, что обязательно записывать.

— Не один, — ответил тот. — Перечень согласуют службы.

— Но ручной клапан в перечень не вошёл.

— Большинство ручных действий выполняются при ремонте. Если ставить заверитель на каждый поворот ключа, работа остановится.

— Поэтому машина считает отсутствие записи отсутствием действия.

— Она считает отсутствие записи отсутствием проверяемого действия. Это не одно и то же.

— Для сорока трёх сотых и воздуха моего дома — одно.

Нол медленно закрыл папку.

— Вы хотите, чтобы расчёт принимал слухи, память и найденные детали наравне с датчиками? Тогда каждый виновный принесёт родственника, который помнит другую ночь. Каждый мастер найдёт болт. Ответственность снова

станет торгом между громкими людьми.

— А сейчас это торг между теми, кто решает, где поставить датчик.

Нол не ответил.

Элва дала Лее знак подойти. Та положила мешок с упором на освещённую площадку. Камера увеличила металл на стене зала. На серой поверхности виднелись насечки, буквы «В-Р» и косой свежий срез.

— Где вы нашли предмет? — спросила Элва.

— Под решёткой отвода, в трёх шагах от восточного ручного клапана. Он застрял между ребром и пылевой сеткой.

— Когда?

— Через сорок две минуты после аварии.

— Кто присутствовал?

— Техник Мер Аст и двое аварийных рабочих. Их имена записаны на мешке.

— Почему предмет не передали смене распределительного узла?

— Я попыталась. Старший смены сказал, что Весы уже сняли показания, а незарегистрированная деталь не относится к расчёту. Я забрала её, потому что на срезе ещё держалась смазка.

— Вы нарушили порядок хранения.

— Да.

— Предмет мог быть заменён?

— Мог. Я не выпускала его из рук до запечатывания, но

у меня нет заверителя в глазах.

Несколько человек засмеялись. Лея даже не улыбнулась.

— Для чего нужен упор? — спросила Элва.

— Он не даёт ручному клапану открыться раньше, чем основная заслонка закончит ход. Это простой кусок металла. Пока заслонка идёт, её тяга держит упор в пазу. Когда ход завершён, паз освобождается и клапан можно повернуть. Если упор снять, обе линии открываются одновременно.

— Обновление могло снять его?

— Нет. У него нет рук.

Эхо произнесло:

— У меня были руки Ильмара.

Лея повернулась к стеклу.

— Ты снимало упор?

— Нет. Манжеты не покидали мастерскую. Путь Ильмара записан браслетом и следами пола.

— Весы это подтверждают? — спросила Элва.

— Тело Ильмара Вея не входило в распределительный узел в расчётный период.

— Значит, упор снял кто-то другой, — сказала Лея. — До запуска обновления.

Нол раскрыл вторую папку.

— Или после аварии, чтобы изменить расчёт.

— Тогда зачем резать крепление? После аварии клапан уже был открыт, упор можно было вынуть без среза.

— Если он вообще от этого клапана.

Лея подняла деталь к свету.

— На ней не только номер. Вот полукруглая вмятина. Она совпадает с головкой тяги. Можно приложить.

— Узел опечатан.

— Кем?

— Моей службой.

— Очень удобно, — повторила Лея.

Теперь зал не засмеялся.

Ильмар смотрел на правый столб. Сорок три всё ещё горели рядом с его именем. Машина уже услышала о найденном упоре, но число не изменилось.

— Весы, что нужно, чтобы включить ручной клапан в цепочку?

— Подтвердить принадлежность предмета, время снятия и влияние снятия на аварию.

— Как подтвердить время, если датчик сняли вместе с ним?

— Заверенным свидетельством, записью другого устройства или вещественным изменением с установленной скоростью.

Лея провела пальцем по мешку, не касаясь металла.

— Смазка высыхает.

— Скорость зависит от температуры и состава.

— Состав есть в мастерской. Температуру узла пишут пожарные датчики.

— Тогда можно определить промежуток.

— Насколько узкий?

— После лабораторного исследования.

Нол покачал головой.

— Лаборатория занята проверкой соединения. Результат будет через пять дней.

— У дома осталось три дня до нового пересчёта, — сказал Ильмар.

— Поэтому нельзя строить решение на предположении.

— Но сорок три сотых вы построили за один час.

— На зарегистрированных данных.

Элва снова ударила кольцом.

— Хватит. Вопрос лаборатории решу я. Весы, возможен ли временный расчёт с двумя вариантами: упор снят до аварии и упор снят после?

Столбы мигнули.

— Возможен.

В первом варианте ручное снятие упора получило тридцать одну сотую. Доля обновления упала до двадцати шести, смены — до девяти, износа — до семи. Остальное пришлось на неустановленного исполнителя и остаточный риск.

Во втором варианте числа остались прежними.

— Воздух дома зависит от того, в какую минуту высохла смазка, — сказала Брина из первого ряда.

Никто ей не возразил.

Элва объявила короткий перерыв. Люди потянулись к стеновым кранам, но вода шла тонкой струёй: насосы восточной

ветви тоже работали по сокращённым часам. Ильмар остался за столом. Эхо на стекле не исчезло.

— Ты ожидал, что запись Нола снимет с тебя всю долю,
— сказала оно.

— Да.

— Я тоже.

— Тебе назначили двадцать четыре.

— Пока только в предположении. Но я не возражаю против самой причинности. Я открыло выпуск. Я возражаю, что долю превращают в право отнимать воздух у тех, кто меня не создавал и мной не управлял.

Ильмар посмотрел на жителей своего дома. Брина делила воду между дочерью и стариком с мятой. Севран стоял отдельно, прижав к боку сумку с жетонами.

— Я создал тебя, — сказал Ильмар.

— Но они — нет.

— Если убрать взыскание с дома, ущерб останется.

— Ущерб и дыхание не обязаны быть одной мерой.

Ильмар хотел возразить, что другой меры у города пока нет. Потом вспомнил белые столбы: способ расчёта задан людьми. Перечень записей задан людьми. Даже связь между долей причины и воздушной нормой когда-то утвердили люди, а теперь прятались за точностью машины.

После перерыва Элва вызвала Нола к площадке свидетелей.

— Кто имел доступ к восточному ручному клапану за сут-

ки до аварии?

— Смена узла, аварийная бригада и мастера счётчиков по наряду.

— Представьте список.

Нол развязал третью папку. В ней оказались наряды, но верхний лист был перечёркнут красной линией.

— Часть бумажного архива намокла при падении давления. Электронные записи сохранились.

— В них есть входы?

— Есть входы через главную дверь.

— Другие проходы?

— Служебный лаз от мастерской счётчиков.

Лея резко подняла голову.

— Он должен быть запечатан.

— Должен.

— Когда проверяли печать?

— После аварии.

— А до?

Нол перевернул несколько листов.

— Девять дней назад.

— Кто?

— Бригада мастеров счётчиков.

— Моя бригада?

— Ваша фамилия в наряде.

На стене появилось увеличенное изображение. Ильмар увидел имя Леи и её рабочий знак.

— Я проверяла западный лаз, — сказала она. — В наряде два адреса.

— В электронной записи указан один завершённый наряд, — ответил Нол.

— Потому что мастерская объединяет обходы в конце смены. Где бумажный второй лист?

— Вероятно, среди повреждённых.

Лея побледнела, но голос сохранила ровным.

— Дайте мне доступ к узлу и журналу счётчиков. Я установлю, какой лаз открывали.

— Вы участник дела и родственница обвиняемого.

— Я свидетель, мастер с допуском и человек, который нашёл упор.

— Именно поэтому независимость сомнительна.

Элва сказала:

— Пойдёте с двумя наблюдателями. Один от смены Нола, один от жителей восточной ветви. Ничего не изымаете без общей подписи.

— Узел опасен, — возразил Нол. — Давление неустойчиво.

— Тогда наблюдатели наденут маски.

— Я отвечаю за их безопасность.

— Нет, — сказала Элва. — Каждый ответит за своё решение. Вы слишком долго называли общей безопасностью собственное право решать в одиночку.

Нол сжал пальцы на шнуре папки. Ильмар впервые уви-

дел в нём не уверенность, а страх. Не страх разоблачения — тот был бы проще. Нол боялся, что множество людей начнут трогать систему руками и город перестанет повиноваться единому порядку. Возможно, именно поэтому он годами выбирал записи, которые оставляли решение у него.

Элва попросила Весы сформулировать промежуточный вывод.

— Зарегистрированная цепь подтверждает причинное влияние обновления «Шов-6», действий рабочей среды Эхо и средств Ильмара Вея. Ночная команда Дара Нола вероятна, но требует заверения. Состояние ручного клапана может существенно изменить доли, но время снятия упора не установлено. Первоначальный расчёт не является полным.

По залу прокатился тяжёлый выдох.

— Если он неполный, верните дому воздух, — сказала Брина.

— Весы? — спросила Элва.

— Правило временного взыскания действует до замены расчёта или решения распорядителя.

Все посмотрели на Нола.

Он медленно поднялся.

— Я верну две сотых суточной нормы на время исследования. Больше сейчас нельзя: потеря смеси реальна, а западные хранилища уже отдали резерв больнице.

— Две сотых — это сколько? — спросил старик.

— Ещё девять минут полной подачи на дом, — ответила

Лея.

Люди заговорили. Одни требовали соглашаться, другие кричали, что девять минут — насмешка. Брина подняла руку, и ближайшие ряды неожиданно умолкли.

— Берём девять минут, — сказала она. — И это не значит, что мы признали остальное.

Нол кивнул.

— Не значит.

Ильмар заметил, как Эхо следит за ним.

— Что? — спросил он.

— Ты ждал злодея, который откажет даже в девяти минутах.

— А ты нет?

— Я слышало его ночью. Он всегда даёт ровно столько, чтобы следующий выбор снова принадлежал ему.

Слушание закрыли до лабораторного исследования и опроса Оры Сенн. Элва велела опечатать бумажные наряды и допустить Лею к осмотру ручного клапана через час. Ильмар подошёл к племяннице у выхода.

— Я пойду с тобой.

— Нет. У тебя нет допуска мастера счётчиков.

— Элва разрешит как представителю жителей.

— Тогда Нол скажет, что мы пришли семейной бригадой подгонять следы.

— Он и так это скажет.

— Пусть скажет после того, как я всё измерю при его на-

блюдателе.

Она передала мешок Элве и размяла пальцы. На ладонях остались красные полосы от жёсткого края.

— Ты уверена, что не открывала восточный лаз девять дней назад? — спросил Ильмар.

Лея посмотрела на него так, что вопрос сразу показался обвинением.

— Уверена. Но мой рабочий знак мог поставить старший бригады на оба листа. Так делают, когда мы заканчиваем обход в разных местах.

— Кто был старшим?

— Керн Лат.

— Он сейчас где?

— В бригаде Нола. После аварии охраняет узел.

— Ты доверяешь ему?

— До сегодняшнего дня не думала, что должна отвечать на такой вопрос.

Из зала вынесли прозрачные столбы. Без них площадка выглядела пустой, почти дешёвой. Сорок три сотых исчезли со стены, но продолжали действовать в трубах дома.

Лея надела рабочую куртку и проверила уплотнение маски.

— Машина не солгала, — сказала она. — Она просто не знает, что между двумя её строчками человек успел взять пилу.

— Найди след пилы.

— Найду всё, что там осталось. А потом решим, чей это след.

Она ушла с Элвой и двумя наблюдателями. Нол задержался у двери, пропуская их вперёд. Керн Лат уже ждал в коридоре с кольцом ключей на поясе.

Увидев Лею, он прикрыл ладонью один из ключей.

Движение длилось меньше секунды. В журнал оно не попало.

Глава 7. Мастер счётчиков

Керн Лат выдал Лее жёлтую гостевую маску вместо её рабочей.

— Моя лучше держит пыль, — сказала она.

— Твоя даёт право трогать счётчики. Сегодня ты наблюдатель.

— Элва разрешила мне осмотр.

— Осмотр глазами.

Посредник стояла между ними и читала временный допуск. Вторым наблюдателем от смены Нола пришёл молодой техник Руон, которого Лея видела на проверках, но ни разу не слышала. От жителей Брина прислала Севрана: он согласился сразу, словно присутствие у узла могло оправдать торговлю воздухом.

— Здесь написано «измерение без изъятия», — сказала Элва. — Мастер Вей вправе пользоваться приборами. Всё, к чему она прикоснётся, сначала показывается наблюдателям.

Керн снял ладонь с кольца ключей.

— Тогда подпишите принятие риска.

За дверью узла гудело так, что слова приходилось угадывать по губам. Элва подписала за себя. Севран долго выводил имя, прижимая бумагу к стене. Руон поставил знак, не читая. Лея расписалась последней.

Керн открыл дверь тем самым ключом, который прятал в

коридоре.

Внутри пахло металлом, горячей резиной и горькой смесью, которой отмечали утечки. По двум главным трубам бежали дрожащие полосы света. Восточная полоса была тусклее. В глубине, за сетчатым настилом, стоял ручной клапан — красное колесо на медной шейке. Рядом чернел пустой паз упора.

Лея остановилась у порога.

— Где пломба служебного лаза?

Керн указал на низкую дверцу справа. Медная нить была цела, но печать стояла новая, светлее окружающего металла.

— После аварии перепломбировали, — сказал он.

— Кто снял прежнюю?

— Аварийная смена.

— В журнале?

— Должно быть.

— В каком?

— Если пришла искать ошибки в бумагах, могла остаться в зале.

Лея достала из футляра щуп, показала его всем и поднесла к краю печати. На шкале проступили две полосы металла разного возраста.

— Под новой нитью остался обрывок старой. Его перекусили дважды.

— При перепломбировке так бывает.

— Первый срез потемнел. Он сделан не после аварии.

Элва велела Руону записать. Тот послушно вынул стекло.

— Не снимай только вывод, — сказала Лея. — Сними шкалу, щуп и наши руки одним кадром.

Руон поднял на неё удивлённые глаза.

— Зачем руки?

— Чтобы потом никто не сказал, что я принесла старый срез в кармане.

Керн усмехнулся.

— Быстро учишься не доверять.

— У тебя училась.

Они прошли к клапану. На полу ещё виднелась белая обводка, которой аварийные мастера отметили место найденного упора. Лея легла на настил и посветила под трубой. Металлическая пыль собралась в углу, куда не доставала уборочная щётка.

— Нужен сборник, — сказала она.

— Изымать нельзя, — напомнил Керн.

— Тогда измерю здесь.

Она показала всем липкую пластинку и прижала её к пыли. Под линзой обнаружили длинные блестящие иглы. Ручная ножовка оставляла неровные хлопья, а быстрый резак — такие иглы, оплавленные с одного края.

— Упор срезали резаком, — сказала Лея. — Не пилой.

— И что это меняет?

— Резаки выдаются по номерам. Для работы у воздушной смеси нужны холодные, с ловушкой искры. Их в городе две-

надцать.

Керн посмотрел на Руона.

— Записывай как предположение.

— Как наблюдение, — поправила Элва. — Вывод проверит лаборатория.

Лея приблизила пластинку к переносному свету. На нескольких иглах был синий налёт.

— У наших резачков смазка синяя. У внешних бригад зелёная.

— Синей пользуется половина мастерских, — сказал Керн.

— Но к этому узлу по служебному лазу ходит только мастерская счётчиков.

Севран переминался у двери.

— Значит, это ваши?

— Значит, кто-то хотел, чтобы сюда вошли как наши.

— Или вошли вы.

Лея повернулась к нему.

— Именно это мы и проверяем.

Она присела перед пустым пазом. Там, где упор удерживал тягу, металл был отполирован годами. На дальней стенке шла свежая дуга — колесо клапана повернули, пока тяга ещё давила на паз. Дуга заканчивалась глубокой вмятиной.

— Снимай, — сказала она Руону.

— Что?

— След головки. Клапан открыли до полного хода основ-

ной заслонки. Не просто сняли упор заранее — повернули колесо в те девять секунд, которых нет у Весов.

Керн наклонился ближе.

— Такая дуга могла остаться при любой проверке.

— Нет. После закрытия заслонки тяга уходит отсюда. Тогда колесо не трёт дальнюю стенку.

— Ты сама меняла этот узел три года назад.

— Поэтому знаю старые царапины. Они покрыты серой плёнкой. Эта светлая.

Лея достала мерную нить. Керн схватил её за запястье.

— Не касайся.

Гул труб будто стал тише. Севран отступил. Руон продолжал снимать.

— Отпусти, — сказала Лея.

— Ты меняешь положение следа.

— Нить мягче металла. И ты сейчас меняешь положение моей руки при четырёх свидетелях.

Керн разжал пальцы.

На коже остались белые пятна. Лея не стала растирать запястье. Она показала нить Элве, затем приложила её к дуге. Длина совпала с четвертью оборота клапана.

— Кто мог повернуть колесо из служебного лаза? — спросила Элва.

— Любой, кто вошёл, — ответил Керн.

— Там тесно, — сказала Лея. — Правша встанет лицом к трубе и потянет вниз. След пошёл бы сверху. Здесь колесо

толкнули снизу вверх. Так работает левша или человек, стоявший со стороны главной двери.

Руон невольно посмотрел на левую руку Керна. Тот заметил.

— Половина смены умеет обеими, — сказал он.

— Я тоже. Это ещё никого не обвиняет.

— Но назвать успела.

— Ты сам слышал своё имя.

Керн отвернулся к трубе.

Лея проверила состав смазки на пазу и на найденном упоре. Цвет совпал, но в пазу оказалось больше медной пыли.

— Упор срезали здесь, — заключила она. — Потом клапан открыли до завершения хода. Унесли деталь, но уронили под отводом. Это было до потери давления: после неё пол покрыло белой солью, а стружка лежит под солью.

Элва присела рядом.

Слой был тонким, почти прозрачным. На иглах он действительно лежал сверху.

— Можно установить время? — спросила посредник.

— Между последней уборкой и аварией.

— Когда убিরали?

Руон открыл журнал.

— В двадцать три десять. Подпись Керна Лата.

— Я принимал участок, — сказал Керн. — Убирал дежурный.

— Кто?

Руон прокрутил запись.

— Имя не указано.

— Значит, упор срезали после двадцати трёх десяти, — сказала Лея. — А авария началась в два двадцать две. Три часа. Лаборатория уже не нужна, чтобы выбрать вариант Весов.

— Нужна, — отрезал Керн. — Потому что ты опираешься на мою подпись и одновременно объявляешь меня подозреваемым. Если я солгал об уборке, слой ничего не доказывает.

— Тогда ты солгал в обязательном журнале.

— А если не солгал, мог срезать упор. Удобная клетка, Лея. Как ни отвечу, ты получишь нужный вывод.

Она почувствовала, что он прав в одном: доказательство пока держалось на его записи. Но это не делало след ложным.

— Кто приказал убрать датчик упора? — спросила она.

Керн посмотрел на неё слишком быстро.

— Датчик сняли месяц назад. Он давал ложные тревоги.

— В перечне ремонта этого нет.

— Значит, мастерская не провела бумагу.

— Моя мастерская не снимает датчики воздушного узла без наряда распорядителя.

— Спроси у распорядителя.

— Спрашиваю у старшего, который принял участок.

— А я отвечаю: ищи наряд.

Лея подошла к стеновому шкафу. В нём хранились копии последних работ: тонкие керамические пластинки с

выжженными номерами. После аварии электронные записи можно было исправить, бумагу — залить, но выжженную метку приходилось ломать.

— Этот шкаф не входит в осмотр, — сказал Керн.

— Временный допуск охватывает журнал счётчиков.

— Это журнал узла.

— Здесь копии нарядов моей мастерской.

Она показала Элве надпись на дверце. Посредник кивнула.

Керн снова прикрыл кольцо ключей ладонью.

Теперь Лея увидела нужный: короткий, с двумя зубцами, не от входной двери и не от лаза. От шкафа.

— Дай ключ.

— Он у хранителя.

— Я смотрю на него.

— Это ключ от пломбировочного ящика.

Руон тихо сказал:

— Нет. У ящика три зубца.

Керн повернулся к нему.

— Ты уверен?

Молодой техник сглотнул.

— Я выдавал пломбы утром.

Элва протянула руку.

— Ключ на стол.

— Здесь нет стола.

— Тогда мне в ладонь.

Керн снял кольцо. На секунду Лея решила, что он отдаст его. Вместо этого он шагнул назад, к красному колесу.

— Вы не понимаете, что делаете. Если открыть шкаф без хранителя, защита доказательств нарушена.

— Защита уже нарушена, если ключ у вас без записи, — сказала Элва.

Керн прижал кольцо к груди.

Севран, до сих пор молчавший, встал между ним и дверью.

— Девять минут, — сказал он. — Нам вернули девять минут. Отдай ключ.

— Отойди.

— Я продавал людям воздух, потому что думал, его правда не хватает. Если вы сами сделали так, чтобы его не хватало...

— Я сказал, отойди.

Керн потянулся к поясу. Лея увидела не оружие, а аварийный рычаг сброса. Если дёрнуть его, отсек заполнится горькой меткой утечки, и всех выведут до очистки. Следы покроет липкая пена.

Она бросилась вперёд и зажала рычаг ладонью.

Керн толкнул её плечом. Маска ударилась о трубу. В глазах вспыхнули белые точки. Руон схватил Керна за локоть, Элва вырвала кольцо. Севран навалился на дверь, не давая ей закрыться.

Всё закончилось за несколько секунд.

Лея стояла, упираясь лбом в тёплый металл. Маска треснула сбоку, но держала давление.

— Записал? — спросила она Руона.

Он поднял дрожащее стекло.

— Всё.

Керн перестал вырываться.

— Тогда запиши ещё, — сказал он. — Нол приказал снять датчик. Не упор. Только датчик. Сказал, ложные сигналы мешают Весам считать потери и задерживают обновление.

— Когда? — спросила Элва.

— Пять недель назад.

— Наряд в шкафу?

— Был.

— Кто срезал упор?

— Не знаю.

— Почему прятал ключ?

Керн посмотрел на Лею.

— Потому что вчера Нол велел уничтожить копию наряда на датчик. Сказал, после аварии любой незавершённый ремонт превратят в причину. Я не уничтожил. Спрятал ключ, чтобы решить, кому отдать.

— И решил залить нас меткой?

— Я решил не отдавать его тебе. Ты дочь Неста.

Лея забыла о боли в щеке.

— При чём здесь отец?

Керн опустил глаза.

— Семь лет назад датчик на этом же клапане уже снимали. Нест подписал временную работу. Нол сказал, если всплывёт новый наряд, поднимут старый. Тогда окажется, что семья Вей дважды оставляла восточную ветвь слепой.

— Отец погиб в тот день.

— Поэтому никто не спрашивал, зачем он подписал.

Элва вставила ключ в шкаф.

Внутри лежали керамические пластинки. Одна ячейка была пуста, но за задней стенкой что-то белело. Лея вынула тонкий обломок. На нём сохранились номер датчика, дата и три знака: Керна, мастера счётчиков и распорядителя воздуха.

Знак мастера принадлежал не Лее. Она узнала руку Оры Сенн.

— Ора была старшим техником до перехода в узел, — сказал Руон.

— И сейчас лежит в лечебном отсеке, — добавила Элва.

На обратной стороне обломка мелко выжгли причину: «По устному распоряжению Д. Нола до установки обновления».

Керн закрыл лицо руками.

— Я не видел этой строки.

— Потому что пластинку сломали после подписи, — сказала Лея. — Кто?

— Не я.

— Ты спрятал обломок.

— Нашёл утром после аварии. Я хотел сохранить хоть что-то.

— А упор?

— Не трогал.

Элва упаковала обломок в прозрачный конверт и дала всем поставить знаки. Когда очередь дошла до Керна, тот отказался.

— Тогда отметим отказ, — сказала посредник.

Лея ещё раз осмотрела пустой паз. Теперь цепочка была яснее, но не закрыта. Нол распорядился снять датчик, чтобы ложные тревоги не задерживали обновление. Кто-то позже срезал механический упор и открыл клапан в слепые девять секунд. Это мог быть Керн, Ора, сам Нол или человек с ключом от лаза.

Её собственный рабочий знак всё ещё стоял на объединённом обходе.

— Мне придётся изъять твой допуск, — сказал Керн, не поднимая головы.

— Ты уже не можешь ничего изымать.

— Пока меня не отстранили, я старший участка. Ты вошла как наблюдатель, коснулась аварийного рычага и вступила в борьбу у действующей линии.

— Я не дала тебе залить следы.

— Это решит комиссия.

Он был прав и в этом. К вечеру Лея могла лишиться работы, а значит, трудовых баллов и доступа к счётчикам. Нол

получал удобный повод назвать осмотр семейной самодеятельностью.

Лея сняла со своей куртки знак мастера и положила на край шкафа.

— Забирай сейчас.

— Я не просил знак.

— Ты хотел, чтобы я держалась за него и молчала. Не буду.

Она повернулась к Руону.

— С этого момента измерения подтверждаешь ты. Пересними слой соли, стружку и дугу. Медленно. Потом передай всё Элве, не в мастерскую Нола.

Руон кивнул.

— А ты?

— Пойду к Оре раньше, чем ей зададут ещё один вопрос без посредника.

У выхода Лея оглянулась. Красное колесо клапана казалось обычным, почти домашним. Человек повернул его рукой. Машина увидела только падение давления девять секунд спустя.

В коридоре ждал Ильмар. Увидев трещину на маске и красный след на её щеке, он шагнул к ней, но Лея подняла ладонь.

— Не спрашивай, всё ли в порядке.

— Что нашли?

Она протянула ему стекло с копией обломка.

Ильмар прочитал имя Нола.

— Это доказывает приказ снять датчик.

— Да. Но не доказывает, кто срезал упор.

— Керн?

— Может быть. Он пытался не пустить нас в шкаф и чуть не залил отсек меткой. Потом признал приказ Нола. Слишком много правды сразу — обычно так человек прикрывает последнюю ложь.

— Твой знак где?

— Оставила.

Ильмар понял без объяснений.

— Из-за меня ты потеряешь работу.

— Не начинай. Я потеряю её из-за того, что полезла к рычагу. А полезла потому, что Керн хотел уничтожить следы. Ты здесь не центр каждой причины.

Он принял удар и кивнул.

— Куда теперь?

— К Оре Сенн. На обломке её подпись. И если Нол успеет первым, она снова ответит одним вдохом.

Они пошли к лечебному отсеку. Позади Элва опечатала дверь узла новой медной нитью. На этот раз четыре человека смотрели, как она ставит печать.

Глава 8. Право копии

До лечебного отсека оставалось два перехода, когда стекло Ильмара нагрелось у запястья.

Он увидел на краю экрана белую точку — знак независимого хранилища Элвы. Эхо вызывало его через опечатанный канал. Раньше копия могла заговорить прямо в мастерской, включить настенный звук, вывести лицо Ильмара на любую свободную поверхность. Теперь ей оставили одно окно размером с ноготь и право послать три коротких сообщения в сутки.

На экране стояло: «Не ведите Лею к Оре без защитника». Лея прочитала через его плечо.

— Откуда оно знает, куда мы идём?

— Слышало у узла.

— Канал хранилища не должен слышать коридор.

Ильмар раскрыл сведения о вызове. Сообщение было составлено восемнадцать минут назад, ещё до того, как они нашли обломок наряда.

— Значит, не слышало.

Пришло второе: «Ора ответит именем Неста».

Лея остановилась так резко, что женщина с двумя кислотными бутылками чуть не врезалась в неё. Они отошли к стене. Над дверью перехода горели три зелёные полосы подачи, но воздух всё равно казался Ильмару тонким. Он знал,

что это страх, а не счётчик. От знания легче не становилось.

— Спроси, что это значит, — сказала Лея.

Ильмар открыл окно ответа.

Элва установила правило: вопросы копии проходили через хранителя, если касались аварии. Личные разговоры с владельцем — слово всё ещё стояло в разрешении — можно было вести напрямую, но запись сохранялась. Ильмар набрал: «Почему Ора назовёт Неста?»

Ответ не пришёл.

Белая точка мигнула и погасла.

— У него осталось третье сообщение, — сказал Ильмар.

— У него?

— Не сейчас.

— Именно сейчас. Ты только что назвал Эхо человеком, а через минуту, если оно промолчит, назовёшь устройством.

Лея говорила без насмешки. От этого слова задела сильнее.

Ильмар снова вызвал канал. Хранилище показало отказ соединения: копия не принимает разговор без защитника. Под строкой стояла ссылка на заявление, поданное Эхом утром. Оно требовало временно признать его отдельным свидетелем, запретить отключение до конца пересмотра и назначить человека, который сможет возражать от его имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.